

ДЖОН ГРИШЭМ

ЗАВЕЩАНИЕ

#1 NEW YORK TIMES BESTSELLER

Гришэм: лучшие детективы

Джон Гришэм

Завещание

«Издательство АСТ»

1999

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Гришэм Д.

Завещание / Д. Гришэм — «Издательство АСТ»,
1999 — (Гришэм: лучшие детективы)

ISBN 978-5-17-115679-4

Трой Филан, богатейший магнат юга, знает: скоро он умрет. Но у него еще есть время изменить завещание. Это и будет его последним посланием многочисленным родственникам, только и жаждущим момента получить свою «часть пирога»... После оглашения последней воли Филана начинается настоящая битва за то, чтобы опротестовать ее. Потому что практически все деньги магната завещаны никому не известной Рейчел Лейн, живущей где-то в топах Бразилии. Как ее найти? И можно ли уговорить поступиться своими интересами ради других членов семьи? Адвокат Нейт О'Рейли отправляется на поиски Рейчел Лейн и очень скоро понимает, что ввязался в опасное предприятие. Ведь там, где скрывается богатая наследница, его ждут настоящие испытания и смертельная опасность...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-115679-4

© Гришэм Д., 1999
© Издательство АСТ, 1999

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	32
Глава 7	37
Глава 8	40
Глава 9	46
Глава 10	49
Глава 11	54
Глава 12	61
Глава 13	65
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Джон Гришэм Завещание

John Grisham
THE TESTAMENT

Перевод с английского И. Я. Дорониной
Компьютерный дизайн А. А. Кудрявцева
Студия «FOLD & SPINE»

Печатается с разрешения литературных агентств The Gernet Company и Andrew Nurnberg.

Серия «Гришэм: лучшие детективы»

© Belfry Holdings, Inc, 1999
© Перевод. И. Я. Доронина, 2009
© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

* * *

Глава 1

Остался последний день, а теперь – последние часы. Я – старик, одинокий, никем не любимый, больной, вредный и уставший от жизни. Я готов к встрече с миром иным – хуже, чем здесь, там не будет.

Мне принадлежат и высотное здание из стекла и бетона, в котором я сижу, и девяносто семь процентов компании, которая размещена в нем, там, внизу, подо мной, и земля вокруг – по полмили в трех направлениях. А еще две тысячи человек, работающих здесь, плюс двадцать тысяч, занятых в других местах. Мне принадлежат трубопровод, проложенный под землей, по которому газ доставляется в здание от техасского месторождения, и линия электропередачи, которая снабжает дом энергией. Я арендую спутник, летающий на невиданной высоте, через который я некогда рассылал приказы своей империи, расплывшейся по всему миру. Мое состояние перевалило за одиннадцать миллиардов долларов. У меня есть серебро в Неваде, медь в Монтане, кофе в Кении, уголь в Анголе, каучук в Малайзии, природный газ в Техасе, сырая нефть в Индонезии и сталь в Китае. Моя компания владеет другими компаниями, производящими электричество, компьютеры, возводящими плотины, издающими книги в мягких обложках, транслирующими теле- и радиосигналы через мой спутник. Мои дочерние компании находятся в большем количестве стран, чем я могу перечислить, полагаясь на память.

Когда-то у меня были все соответствующие моему положению игрушки: яхты, самолеты, блондинки, дома в Европе, фермы в Аргентине, острова в Тихом океане, первоклассные автомобили, даже хоккейная команда. Но я вышел из того возраста, когда играют в игрушки.

Деньги – ширма, за которой прячется мое горе.

У меня было три семьи. Три жены родили мне семь детей, шесть из них живы и делают все, что могут, лишь бы потерзать меня. Насколько мне известно, я действительно породил всех семерых. И одного похоронил. Точнее, его похоронила мать. Меня тогда не было в стране.

Я живу отдельно от своих жен и детей. Но сегодня они все собрались здесь, потому что я умираю и настало время делить деньги.

Об этом дне я думал очень давно. В моем здании четырнадцать этажей, оно образует замкнутый четырехугольник, внутри которого располагается тенистый двор, где когда-то я устраивал приемы на открытом воздухе. Я живу и работаю на верхнем этаже – двенадцать тысяч квадратных футов роскоши, которая многим может показаться неприличной, что нимало меня не беспокоит. Каждый цент я заработал собственным потом и мозгами. Кроме того, мне везло. Удача редко отворачивалась от меня. Так что тратить все это богатство – моя привилегия. И кому его отдать, должен был бы выбирать я сам, но меня обложили со всех сторон.

Какая мне разница, кому достанутся деньги? Мне они уже принесли все, что можно вообразить. Сидя здесь в инвалидной коляске в ожидании смерти, я не могу придумать ничего, что мне хотелось бы купить или увидеть, не в силах вообразить ни одного места, куда мне хотелось бы поехать, представить ни одного приключения, которое мне хотелось бы пережить.

У меня уже все было, и я очень устал.

Мне все равно, кто получит деньги. Но для меня важно, чтобы кое-кто их *не получил*.

Каждый квадратный фут этого здания распланирован лично мной, поэтому я точно знаю, где кого поместить во время предстоящей церемонии. Все они слетелись сюда, ждут давно, но не ропщут. Они готовы были бы голыми стоять на улице в снежную бурю, лишь бы урвать свое.

Моя первая семья – это Лилиан и ее выводок: четыре отпрыска, рожденных женщиной, которая и подпускала-то меня к себе редко. Мы поженились молодыми: мне было двадцать четыре, ей – восемнадцать, так что Лилиан теперь тоже старуха. Я не видел ее много лет, не хочу видеть и сегодня. Не сомневаюсь, она по-прежнему играет роль оскорбленной, брошенной, но

примерной первой жены, которая явилась выторговывать себе награду. Она так больше и не вышла замуж, уверен, что за прошедшие пятьдесят лет у нее вообще не было мужчин. До сих пор не могу понять, как у нас с ней получились дети.

Ее старшему сыну сейчас сорок семь. Трой-младший, никчемный идиот, носит проклятие моего имени. В детстве его называли Ти Джей, и он до сих пор предпочитает это имя Трою. Из шестерых детей, собравшихся сегодня здесь, Ти Джей самый тупой, хотя все они недалеко ушли друг от друга. В девятнадцать его вышвырнули из колледжа за торговлю наркотиками.

Как и остальные, Ти Джей получил на совершеннолетие пять миллионов долларов. И как у остальных, они утекли у него сквозь пальцы.

Я терпеть не могу вспоминать жалкие истории жизни детей Лилиан. Достаточно сказать, что все они погрязли в долгах, ни на что не годны и едва ли способны измениться. Вот почему моя подпись под завещанием для них очень много значит.

Но вернемся к моим бывшим женам. Фригидность Лилиан я променял на огненную страсть Джейни, юной красавицы, работавшей секретаршей в бухгалтерии. Она быстро сделала карьеру после того, как я решил брать ее с собой в деловые поездки. Я развелся с Лилиан и женился на Джейни, которая была на двадцать два года моложе меня и решительно настроена ни на минуту не дать мне почувствовать себя неудовлетворенным. Она очень скоро родила мне двоих детей и использовала их в качестве якоря, чтобы удержать меня в семейной гавани. Роки, младший, погиб вместе с двумя приятелями в автокатастрофе на своей спортивной машине. Уладить дело в суде стоило мне шести миллионов долларов.

На Тайре я женился, когда мне было шестьдесят четыре, а ей – двадцать три. Она была беременна от меня маленьким чудовищем, которого по совершенно непонятной мне причине назвала Рэмблом. Рэмблу сейчас четырнадцать, и у него уже есть два привода в полицию за хранение марихуаны. У него жирные волосы, которые липнут к шее и ниспадают на спину, и он украшает себя серьгами, которые красуются у него и в ушах, и на бровях, и в носу. Говорят, он ходит в школу, когда ему хочется.

Рэмбл стыдится, что его отцу почти восемьдесят лет, а мне стыдно от того, что у сына даже в язык воткнуты серебряные бусинки.

И он так же, как остальные, ждет, когда я поставлю свое имя под завещанием и сделаю его жизнь прекрасной. Каким бы огромным ни было мое наследство, таким дуракам, как они, не понадобится много времени, чтобы промотать его.

Умиравший старик не должен испытывать ненависти, но я ничего не могу с собой поделать. Все они – кучка жалких идиотов. Их матери меня ненавидят, следовательно, и дети приучены ненавидеть.

Они – словно стая вьющихся надо мной стервятников с когтистыми лапами, острыми зубами и голодными глазами, у которых кружится голова в предвкушении неограниченной наличности.

Моя дееспособность – важнейший вопрос для них. Они думают, что у меня опухоль, поскольку я порой говорю странные вещи. Я бессвязно бормочу что-то при встречах и по телефону, и помощники, стоящие у меня за спиной, кивают, что-то шепчут и думают: «Да, так и есть». Они правы. У меня действительно опухоль.

Два года назад я составил завещание, по которому все переходило моей последней сожительнице – она в то время разгуливала по квартире в одних леопардовых штанишках. Да, видимо, я действительно помешан – помешан на двадцатилетних блондинках с пышными формами. Но потом эта красотка получила расчет, бумагорезательная машина – мое завещание, а я ощутил страшную усталость.

Еще раньше, три года назад, я подготовил завещание – просто ради собственного удовольствия, – согласно которому оставлял все благотворительным организациям – их там зна-

чилось более сотни. Как-то мы ссорились с Ти Джеем, он проклинал меня, я – его, и я рассказал ему об этом завещании. Он, его мать и их родня наняли банду адвокатов-мошенников и подали в суд иск с требованием определить меня в клинику для обследования и лечения. Сильный ход законников, потому что, если бы меня признали недееспособным, мое завещание было бы аннулировано.

Однако у меня свои адвокаты, и я плачу им по тысяче долларов в час, чтобы они трактовали законы в мою пользу. Судья счел меня вполне нормальным, хотя в тот момент я, вероятно, и впрямь был немного не в себе.

Вскоре после этого в ненасытной пасти моей бумагорезательной машины исчезло мое очередное завещание, но отправил его туда я сам, без чьей бы то ни было помощи.

Я одеваюсь в длинные белые одежды из тайского шелка, брею голову наголо, как монах, и мало ем, отчего тело мое стало маленьким и сморщенным. Все считают меня буддистом, но на самом деле я исповедую зороастризм. Моим бывшим женам и детям разница неведома. Я даже могу понять их и не удивляюсь, что они низко оценивают мои теперешние умственные способности.

Лилиан и моя первая семья расположились в комнате для закрытых совещаний на тринадцатом этаже, как раз подо мной. Эта большая комната, отделанная мрамором и красным деревом, с дорогим ковром на полу и длинным овальным столом в центре сейчас заполнена взвинченными до предела людьми. Неудивительно, что среди них больше адвокатов, чем членов семьи. Свой адвокат есть у Лилиан и у каждого из ее детей, а Ти Джей привел даже троих, чтобы продемонстрировать собственную значительность и быть уверенным, что все варианты будут должным образом осмыслены. У Ти Джея больше проблем с законом, чем у многих заключенных, которым грозит смертная казнь.

В дальнем конце стола установлен большой цифровой монитор, с его помощью можно будет следить за процедурой освидетельствования.

Рекс, сорокачетырехлетний брат Ти Джея, мой второй сын, только что женился на стриптизерше. Ее зовут Эмбер, это несчастное существо без мозгов, но с чертовски большой грудью. Кажется, она его третья жена. Вторая или третья? Впрочем, мне ли осуждать его? Она сидит рядом с другими женами и/или сожительницами, нервничая в предвкушении раздела одиннадцати миллиардов.

Первая дочь Лилиан, моя старшенькая, Либбигайл, ребенок, которого я самозабвенно любил, пока она не уехала в колледж учиться и не забыла меня. Потом она вышла замуж за африканца, и я вычеркнул ее имя из завещания.

Мэри-Роуз – последний ребенок, которого родила мне Лилиан. Она вышла замуж за врача. У того были огромные амбиции, он мечтал стать супербогачом, но пока они сидели по уши в долгах.

Джейни и моя вторая семья ожидают в комнате на десятом этаже. После нашего давнего развода она дважды выходила замуж. Почти уверен, что сейчас она одна. Я нанял детективов, чтобы быть в курсе дел, но даже ФБР не могло бы уследить за ее перебежками из постели в постель. Как я упоминал, ее сын Роки погиб. Дочь Джина сейчас здесь вместе со своим вторым слабоумным мужем, дипломированным бизнесменом. Он вполне способен урвать полмиллиарда долларов или около того и виртуозно спустить их за три года.

Ну и наконец Рэмбл, сторбившийся в кресле на пятом этаже, облизывающий золотое кольцо, продетое через губу в уголке рта. Он расчесывает пятерней свои липкие зеленые волосы и злобно поглядывает на мать, у которой хватило наглости явиться сюда с маленьким лохматым жиголом. Рэмбл надеется уже сегодня стать богатым, получив состояние только потому, что был мной зачат. У Рэмбла тоже есть адвокат – хипповатый радикал, которого Тайра увидела по телевизору и наняла, как только переспала с ним. Они ждут так же, как и остальные.

Я знаю этих людей. Я наблюдаю за ними.

Из глубины квартиры появляется Снид. Вот уже почти тридцать лет служит у меня мальчиком на побегушках этот кругленький домашний человечек в белой жилетке, робкий и застенчивый, постоянно согнутый в поясе, словно он всегда кланяется своему королю. Снид останавливается передо мной, как обычно, сложив ручки на животе, наклонив голову набок, сладко улыбаясь, и проникновенно, нараспев, как научился в Ирландии, когда мы туда ездили, спрашивает:

– Как вы себя чувствуете, сэр?

Я ничего не отвечаю, потому что Сниду отвечать не требуется, он и не ждет ответа.

– Кофе, сэр?

– Ленч.

Снид моргает, кланяется еще ниже и ковыляет прочь, подметая пол обшлагами брюк. Он тоже надеется разбогатеть после моей смерти и, полагаю, считает дни, как и все остальные.

Богатство иметь хлопотно потому, что каждый хочет урвать у тебя хоть что-то – пусть даже один сребреник. Что такое миллион для человека, владеющего миллиардами? Отстегни мне миллиончик, старина, ты даже не заметишь убыли. Одолжи мне денег – и давай оба об этом забудем. Вставь мое имечко куда-нибудь в завещание, местечко там найдется.

Снид чертовски любопытен, как-то я застукал его, когда он рылся в моем письменном столе, полагаю, в поисках действовавшего на тот момент завещания. Он хочет, чтобы я умер, поскольку рассчитывает получить несколько миллионов.

Какое право он имеет чего бы то ни было ожидать? Мне давно нужно было его выгнать.

В моем новом завещании его имя не упомянуто.

Он ставит передо мной поднос: запечатанная пачка крекера «Ритц», маленькая баночка меда, закрытая крышкой с пластмассовой печатью, и баночка (двенадцать унций) «Фрески» комнатной температуры. Малейшее отклонение от меню – и Снид тут же оказался бы на улице.

Я отпускаю его и макаю крекер в мед. Последняя трапеза.

Глава 2

Я сижу и смотрю сквозь стену из тонированного стекла. В ясный день отсюда виден памятник Вашингтону, находящийся в шести милях, но не сегодня. Сегодня день сырой, холодный, ветреный и пасмурный – весьма подходящий, чтобы умереть. Ветер сдувает с ветвей последние листья и разбрасывает по автомобильной стоянке под окнами.

Почему меня беспокоит мысль о боли? Разве будет не справедливо, если я немного пострадаю? Я причинил другим столько горя, сколько не смогли бы причинить и десять человек.

Нажимаю кнопку – является Снид. Он кланяется и вывозит меня из моих апартаментов в отделанное мрамором фойе, затем катит инвалидную коляску по такому же великолепному коридору – в другую дверь. Расстояние между мной и моей родней сокращается, но я не чувствую никакого волнения.

Я протомил психиатров в ожидании более двух часов.

Мы проезжаем мимо моего кабинета, и я киваю Николетт, последней моей секретарше – очаровательной девушке, от которой я в полном восторге. Будь у меня побольше времени, она могла бы стать четвертой.

Но времени нет. Остались минуты.

Вся шайка в сборе – разбившиеся на стайки адвокаты и несколько психиатров, приглашенных определить, в своем ли я уме. Они собрались вокруг длинного стола в моем зале заседаний. Когда меня ввозят, разговоры резко обрываются, взоры устремляются на меня. Снид подвозит коляску к столу и ставит рядом с моим адвокатом Стэффордом.

Повсюду установлены камеры, направленные в разные стороны, операторы суетятся, наводя фокус. Шепот, движения, вздохи будут тщательно фиксироваться ими – ведь на кон поставлено огромное состояние.

Последнее подписанное мной завещание почти ничего не давало моим детям. Джош Стэффорд, как обычно, подготовил его, а я скормил машинке сегодня утром.

Я сижу здесь, чтобы доказать всему миру, что нахожусь в прекрасной интеллектуальной форме и в состоянии подписать новое завещание. Как только оно будет заверено, никто не сможет оспорить мое решение.

Прямо напротив меня расположились три психиатра – по одному от каждой семьи. На табличках, стоящих перед ними на столе, кто-то написал фамилии – «д-р Зейдель», «д-р Фло», «д-р Тишен». Я изучаю их лица и глаза. Поскольку мне предстоит продемонстрировать свою вменяемость, нужно установить зрительный контакт.

Они ожидали увидеть чокнутого, а я готов съесть их на обед.

Парадом будет командовать Стэффорд. Когда все рассаживаются по местам и операторы включают камеры, он произносит:

– Меня зовут Джош Стэффорд, я поверенный в делах мистера Троя Филана, который сидит здесь, справа от меня.

Я поочередно смотрю в глаза каждому психиатру, пока он не начинает моргать или не отводит взгляд. На всех троих – темные костюмы. У Зейделя и Фло – жиденькие бородачки. Тишен – в галстук-бабочке, на вид ему не больше тридцати. Семьям было предоставлено право выбрать, кого они пожелают.

Стэффорд продолжает:

– Цель нынешней встречи – предоставить возможность консилиуму врачей-психиатров освидетельствовать мистера Филана и решить, дееспособен ли он. Если консилиум признает его дееспособным, он подпишет завещание, в котором будет указано, как распределится его состояние.

Стэффорд постукивает карандашом по лежащей перед ним папке с дюйм толщиной, в которой якобы находится завещание. Я уверен, что сейчас камеры показывают папку крупным планом и от одного ее вида у моих детей и их матерей, рассредоточенных по разным помещениям, мороз пробегает по коже.

Они не видели завещания и не имеют на это права. Завещание – конфиденциальный документ, содержание которого оглашается только после смерти завещателя. Наследники могут лишь гадать, что в нем. Я сделал им кое-какие намеки, тщательно внедрил в их сознание ложную информацию.

Заставил поверить, что основная часть наследства будет более или менее справедливо поделена между детьми, а бывшие жены получают значительные суммы. Они это знают, чувствуют. Об этом они будут отчаянно молиться недели, а может, и месяцы. Ведь для них это вопрос жизни и смерти, потому что все они в долгах. Предполагается, что лежащее передо мной завещание сделает их богатыми и положит конец распрям. Стэффорд, готовивший документ, в разговоре с их адвокатами с моего разрешения в общих чертах обрисовал его содержание: каждый наследник получит от трехсот до пятисот миллионов долларов, еще по пятьдесят миллионов достанется каждой из бывших жен. При разводе я прекрасно обеспечил всех трех, но об этом, разумеется, уже забыли.

В общей сложности они получают около трех миллиардов. После уплаты налогов, на что уйдет еще несколько миллиардов, остальное пойдет на благотворительность.

Так что вы понимаете, почему эти люди слетелись сюда – сияющие, ухоженные, трезвые (большинство по крайней мере). Они жаждут увидеть на экране монитора волнующее представление, ожидая и надеясь, что старый хрен сможет справиться со своей задачей. Уверен, мои дети и бывшие жены сказали нанятым ими психиатрам: «Будьте снисходительны к старику. Мы хотим, чтобы его признали здоровым».

Если все довольны, зачем тревожиться из-за психиатров? А затем, что я собираюсь обмануть всех еще один, последний раз и намерен сделать это наилучшим образом.

Приглашение психиатров, в сущности, моя идея, но мои дети и их адвокаты слишком туго соображают, чтобы понять это.

Начинает Зейдель:

– Мистер Филан, вы можете назвать день, время и место, где вы находитесь?

Я чувствую себя первоклассником. Низко опускаю голову и размышляю так долго, что они, устав ждать, откидываются на спинки кресел и шепчут:

– Ну же, старый мерзавец. Конечно, ты знаешь, какой сегодня день.

– Понедельник, – тихо отвечаю я. – Понедельник, девятое декабря тысяча девятьсот девяносто шестого года. Место – мой офис.

– А время?

– Около половины третьего дня, – отвечаю я, – у меня нет часов.

– А где находится ваш офис?

– Маклин, Виргиния.

Фло наклоняется к своему микрофону:

– Можете ли вы назвать имена и даты рождения своих детей?

– Нет. Имена – да, но даты рождения – нет.

– Ладно, назовите имена.

Я делаю паузу. Еще рано демонстрировать остроту ума. Надо заставить их попотеть.

– Трой Филан-младший, Рекс, Либбигайл, Мэри-Роуз, Джина и Рэмбл, – произношу я так, словно мне неприятна сама мысль о них.

Фло предоставляют право продолжить:

– Но был еще и седьмой ребенок, не так ли?

– Так.

– Вы помните его имя?

– Роки.

– А что с ним случилось?

– Он погиб в автокатастрофе. – Я выпрямляюсь в своей инвалидной коляске, поднимаю голову и поочередно смотрю в глаза каждому врачу, демонстрируя для камер абсолютную вменяемость. Уверен, дети и бывшие жены гордятся мной, наблюдая в своих маленьких группках за происходящим по монитору. Они сжимают руки своих нынешних мужей и жен и улыбаются в ответ на жадные взгляды адвокатов – пока старый Трой справляется с экзаменом.

Пусть мой голос звучит хрипло и глухо, пусть я, со своим сморщенным лицом, выгляжу безумцем в этом белом шелковом одеянии и зеленом тюрбане, но на вопросы-то отвечаю.

Ну давай, давай, старина, мысленно умоляют они.

Тишен спрашивает:

– Каково ваше нынешнее физическое состояние?

– Бывало и лучше.

– Говорят, у вас злокачественная опухоль.

Попал точно в цель, правда?

– Я полагал, что меня обследуют на предмет психического здоровья, – говорю я, бросая взгляд на Стэффорда, которому едва удастся скрыть улыбку. Правила позволяют задавать любые вопросы. Это не суд.

– Вы правы, – вежливо отвечает Тишен. – Но всякий вопрос относителен.

– Понимаю.

– Вы ответите на мой последний вопрос?

– О чем?

– О раке.

– Конечно. Опухоль размером с мячик для гольфа – у меня в мозгу. Она растет с каждым днем, неоперабельна, и мой врач говорит, что я не протяну и трех месяцев.

Я почти слышу, как выстреливают пробки от шампанского. Опухоль нужно отметить!

– Находитесь ли вы в настоящий момент под действием каких-либо медикаментов, наркотиков или алкоголя?

– Нет.

– Пользуетесь ли вы какими-либо болеутоляющими средствами?

– Пока нет.

Теперь опять Зейдель:

– Мистер Филан, три месяца назад в опубликованном в «Форбсе» списке самых богатых людей мира ваше состояние оценивалось в восемь миллиардов долларов. Это близко к реальности?

– С каких это пор «Форбсу» можно доверять?

– Значит, цифра, указанная в журнале, неверна?

– В зависимости от положения на рынке мое состояние составляет от одиннадцати до одиннадцати с половиной миллиардов. – Я произношу это медленно, но голос звучит веско. Ни у кого размер моего состояния сомнений не вызывает.

Фло решает продолжить тему денег:

– Мистер Филан, можете ли вы описать в общих чертах структуру ваших корпоративных владений?

– Да, могу.

– И сделаете это?

– Пожалуй.

Я выдерживаю паузу – пусть попотеют. Стэффорд заверил меня, что я не обязан разглашать здесь приватную информацию. «Набросайте им лишь общую картину», – сказал он.

– Группа «Филан» – частная корпорация, которая владеет семьюдесятью разными компаниями. Некоторые из них представляют собой акционерные общества открытого типа.

– Какая часть предприятий группы «Филан» принадлежит лично вам?

– Около семидесяти пяти процентов. Остальными владеет группа моих служащих.

К охоте присоединяется Тишен. На золоте сосредоточиться не трудно.

– Мистер Филан, имеет ли ваша корпорация свой интерес в компании «Спин компьютер»?

– Да, – медленно отвечаю я, стараясь мысленно отыскать «Спин компьютер» в джунглях своей корпорации.

– Сколькими процентами акций вы владеете в этом деле?

– Восемьюдесятью.

– Это открытое акционерное общество?

– Совершенно верно.

Тишен перебирает какие-то бумаги – на вид официальные документы, – я замечаю, что это годовой отчет корпорации и квартальные доклады, которые может раздобыть даже полуграмотный студент колледжа.

– Когда вы купили «Спин»? – спрашивает Тишен.

– Около четырех лет назад.

– Сколько заплатили?

– По четыре доллара за акцию, в общем – триста миллионов. – Нужно было бы отвечать помедленнее, но я ничего не могу с собой поделать. С нетерпением смотрю на Тишана, ожидая следующего вопроса.

– А сколько они стоят теперь? – спрашивает он.

– Ну, вчера при закрытии биржи они стоили сорок три с половиной, снизились на один пункт. С тех пор как я купил компанию, акционерный капитал дважды разделялся, так что сейчас ценные бумаги стоят около восьмисот пятидесяти.

– То есть восьмьсот пятьдесят миллионов?

– Правильно.

На этом испытание можно бы считать законченным. Коль скоро я в состоянии держать в памяти вчерашнюю стоимость акций при закрытии биржи, значит, мои противники должны быть удовлетворены. Я почти вижу их глупые улыбки, почти слышу приглушенные выкрики: «Ура! Молодчина, Трой, браво! Покажи им!»

Зейдель обращается к истории. Это попытка испытать мою память.

– Мистер Филан, где вы родились?

– В Монклере, штат Нью-Джерси.

– Когда?

– Двенадцатого мая тысяча девятьсот восемнадцатого года.

– Какова девичья фамилия вашей матери?

– Шоу.

– Когда она умерла?

– За два дня до Перл-Харбора.

– А ваш отец?

– Что – отец?

– Когда умер он?

– Не знаю. Он исчез, когда я был еще ребенком.

Зейдель смотрит на Фло, у которого вопросы записаны в блокноте.

– Кто ваша младшая дочь? – спрашивает тот.

– От какого брака?

– Ну, скажем, от первого.

- Значит, Мэри-Роуз.
- Правильно...
- Разумеется, правильно.
- Куда она уехала учиться?
- В университет Тулейна, Новый Орлеан.
- И что она там изучала?
- Что-то из области средневековья. Потом неудачно вышла замуж, как и все остальные.

Наверное, дети унаследовали этот талант от меня. – Вижу, как врачи напряглись и ошетинились. А также представляю себе, как адвокаты и нынешние сожители и/или жены-мужья прячут улыбки, ведь никто не станет отрицать, что женился я действительно всегда неудачно.

А потомство производил еще хуже.

Фло оставляет эту тему. Тишен все еще под впечатлением моих финансовых откровений.

– Владаете ли вы контрольным пакетом акций в «Маунтин-ком»? – спрашивает он.

– Да, уверен, что это отмечено в ваших бумагах. «Маунтин-ком» – открытое акционерное общество.

– Каковы были ваши первоначальные инвестиции?

– Около восемнадцати долларов за акцию – всего десять миллионов акций.

– А теперь это...

– Вчера при закрытии биржи давали двадцать один доллар за акцию. За последние шесть лет произошел обмен и раздел, так что сейчас холдинг стоит около четырехсот миллионов. Вы удовлетворены ответом?

– Да... полагаю, да. Сколько открытых акционерных обществ вы контролируете?

– Пять.

Фло бросает взгляд на Зейделя. Интересно, долго еще это будет продолжаться? Я чувствую, что устал.

– Есть еще вопросы? – спрашивает Стэффорд. Мы не собираемся оказывать на них давление, поскольку хотим, чтобы они получили максимальное удовлетворение.

– Вы собираетесь сегодня же подписать новое завещание? – спрашивает Зейдель.

– Да, таково мое намерение.

– На столе перед вами лежит то самое завещание?

– Да.

– Отходит ли вашим детям значительная часть вашего состояния в соответствии с этим завещанием?

– Отходит.

– Вы готовы подписать завещание прямо сейчас?

– Готов.

Зейдель аккуратно опускает ручку на стол, задумчиво складывает руки на груди и смотрит на Стэффорда.

– С моей точки зрения, мистер Филан в настоящее время дееспособен и в состоянии распорядиться своим имуществом, – многозначительно произносит он, словно решает вопрос, куда меня направить из этого чистилища.

Два его коллеги поспешно кивают.

– У меня нет никаких сомнений в его психическом здоровье, – говорит Стэффорду Фло. – Я считаю, у него очень острый ум.

– Никаких сомнений? – переспрашивает Стэффорд.

– Ни малейших.

– Доктор Тишен?

– Давайте не будем валять дурака. Мистер Филан прекрасно знает, что делает. Он сообщает гораздо лучше нас с вами.

О, премного благодарен. Вы так добры. Компашка жалких докторишек, с трудом зарабатывающих сотню тысяч в год. Я сколотил миллиарды, а вы гладите меня по головке и рассказываете, какой я умный.

– Значит, это единогласное мнение? – спрашивает Стэффорд.

– Абсолютно. – Они мгновенно соглашаются.

Стэффорд подсовывает мне завещание и дает ручку.

– Это последняя воля и завещание Троя Л. Филана, отменяющее все прежние завещания и дополнительные распоряжения к ним, – произношу я. В завещании девяносто страниц, подготовленных Стэффордом и сотрудниками его фирмы. Я знаком с концепцией, но окончательного текста не видел, не читал и не собираюсь. Перелистываю и на последней странице ставлю росчерк, которого никто никогда не увидит, потом кладу руки поверх папки. Вот пока и все.

Стервятникам не видать этого завещания.

– Встреча окончена, – объявляет Стэффорд, и все поспешно собирают вещи. В соответствии с моими инструкциями членов трех моих семейств настойчиво просят быстро покинуть занимаемые ими комнаты и удалиться из здания.

Одна камера продолжает снимать меня, эта запись пригодится для архива. Адвокаты и психиатры спешат уйти. Я велю Сниду сесть за стол. Здесь же, за столом, – Стэффорд и один из его партнеров, Дурбан. Когда мы остаемся одни, я достаю из-под своего белого одеяния конверт, открываю его, вынимаю три листка желтой линованной бумаги и кладу перед собой.

От страха на какое-то мгновение легкая дрожь пробегает по моему телу. Это завещание потребовало от меня огромных усилий, я совершенствовал его несколько недель.

Стэффорд, Дурбан и Сид, совершенно сбитые с толку, уставились на желтые листки.

– Вот мое настоящее завещание, – говорю я и беру ручку. – Собственноручно написанное мной несколько часов назад. Датированное сегодняшним днем, а теперь и подписанное сегодня. – Я снова царапаю свое имя.

Стэффорд слишком потрясен, чтобы что-нибудь сказать.

– Оно отменяет все предыдущие завещания, включая подписанное пять минут назад. – Я снова складываю листки и засовываю их обратно в конверт.

Стискиваю зубы и напоминаю себе, как я хочу умереть.

Подтолкнув конверт через стол Стэффорду, я встаю со своей инвалидной коляски. Ноги у меня дрожат. Сердце громко стучит. Осталось всего несколько секунд. Разумеется, я умру прежде, чем приземлюсь.

– Эй! – кричит кто-то, наверное, Сид. Но я быстро удаляюсь от них.

Обезноженный идет, почти бежит мимо выставленных в ряд кожаных стульев, мимо одного из портретов, плохого, заказанного одной из моих жен, мимо всего – к незапертым раздвижным дверям. Я знаю, что они не заперты, потому что несколько часов назад все отрепетировал.

– Стойте! – кричит кто-то. Моя челядь бросается за мной.

Вот уже год, как никто не видел, чтобы я передвигался самостоятельно. Я хватаюсь за ручку и отодвигаю дверь в сторону. Воздух обжигающе морозен. Ступаю босой ногой на узкую балконную террасу, опоясывающую верхний этаж. И, не глядя вниз, переваливаюсь через перила.

Глава 3

Снид находился всего в двух шагах от мистера Филана, и на миг ему показалось, что он сможет поймать хозяина. Но шок от того, что старик не только встал с кресла, но и сам пошел, почти побежал к двери, парализовал Снида. Уже много лет мистер Филан не двигался так быстро.

Когда Снид все же добрался до балкона, ему оставалось лишь закричать от ужаса и беспомощности при виде того, как тело мистера Филана, беззвучно кружась и мотаясь из стороны в сторону, летит, делаясь все меньше и меньше, и наконец шмякается о землю. Не веря собственным глазам, Снид следил за ним, вцепившись в перила, потом начал плакать.

Джош Стэффорд добежал до балкона почти одновременно со Снидом и тоже не мог ничего изменить. Все произошло поразительно быстро – во всяком случае, прыжок. Что касается падения, оно, казалось, длилось по меньшей мере час. Мужчина весом в сто пятьдесят фунтов падает с высоты трехсот футов менее чем пять секунд, но Стэффорд позднее рассказывал, что старик летел целую вечность, кружась на ветру, словно перышко.

Тип Дурбан подоспел на балкон уже после Стэффорда и видел лишь, как тело упало на вымощенный камнем пол патио между центральным входом и закругленной въездной аллеей. Почему-то Дурбан держал в руке конверт, который бессознательно схватил со стола, когда бросился ловить старика Троя. Здесь, на ледяном холоде, он показался гораздо тяжелее. Глядя вниз, Тип словно видел сцену из фильма ужасов.

Первые зеваки начали стягиваться к месту происшествия.

Полет Троя Филана не произвел впечатления высокой трагедии, о чем он мечтал. Вместо того чтобы парить, как ангел, напоминая в своих развевающихся одеждах белого лебедя, вместо того чтобы совершить свое смертельное приземление на глазах у пораженного ужасом многочисленного семейства, которое, по его замыслу, должно было как раз в этот момент покинуть здание, он упал перед скромным клерком, возвращавшимся из бара после затянувшегося ленча. Тот услышал голос, поднял голову и в ужасе увидел, как с верхнего этажа сорвалось бледное голое тело с развевавшимся вокруг шеи белым полотнищем, напоминавшим простыню. Оно шлепнулось на камни неподалеку от клерка с глухим стуком, естественным при падении с такой высоты.

Он подбежал к телу как раз в тот момент, когда охранник тоже рванул к месту происшествия из своей будки у входа в «Филан-Тауэр». Ни клерк, ни охранник прежде никогда не видели хозяина, поэтому в первый момент не поняли, чей труп лежит перед ними. Тело было окровавленным, скрюченным и обнаженным, если не считать скомканной простыни, обвивавшей руки. Мистер Филан был определенно мертв.

Для идеального исполнения замысла Троя следовало задержаться еще на полминуты, потому что находившиеся на пятом этаже Тайра, Рэмбл, доктор Тишен и куча адвокатов именно спустя тридцать секунд показали в дверях. Увидев на камнях труп старого Троя, Тайра закричала – не от любви, не от боли утраты, а от шока. Это был пронзительный, дикий крик, который услышали даже Снид, Стэффорд и Дурбан, находившиеся на четырнадцатом этаже.

Рэмбл остался невозмутимым. Дитя телевидения и любитель видеоигр, он с интересом смотрел на запекающую кровь. Отойдя от потрясенной матери, он опустился на колени возле мертвого отца. Охранник решительно положил руку ему на плечо.

- Это Трой Филан, – сказал один из адвокатов, склонившись над трупом.
- Не может быть, – произнес охранник.
- Господи! – воскликнул клерк.

Из дома выбегали все новые люди.

Джейни, Джина и Коуди с их психиатром доктором Фло и адвокатами были второй группой родственников, появившихся на сцене. Никто из них не упал в обморок, никто не кричал. Они стояли плотной группой в стороне от Тайры и ее приспешников и, как все прочие, глазели на бедного Троя.

С прибытием другого охранника, взявшего ситуацию под контроль, закричала рация. Охранник вызывал «скорую».

– Она уже ни к чему, – заметил клерк, считавший себя самой важной персоной, поскольку первым оказался на месте происшествия.

– Вы хотите увезти его в своей машине? – поинтересовался охранник.

Рэмбл наблюдал, как кровь из страшных ран струится по изгибам тела и стекает к замерзшему фонтану и гнезду флагштока, находившимся неподалеку.

В этот момент опустился открывающийся в атриум лифт и из него вышли Лилиан и первая семья Троя. Поскольку некогда Ти Джею и Рексу было позволено иметь офисы в этом здании, они припарковали машины позади дома, и вся группа повернула налево, но тут от центрального входа послышался вопль:

– Мистер Филан выбросился из окна!

Они тут же развернулись и через переднюю дверь выскочили в патио, где и увидели Троя, лежавшего возле фонтана.

Ну что ж, по крайней мере теперь не нужно было ждать, когда опухоль сделает свое дело.

Около минуты понадобилось Джошуа Стэффорду, чтобы оправиться от шока и вспомнить, что он юрист. Он дождался, когда внизу появилась третья и последняя в порядке выхода семья, и попросил Снида и Дурбана войти в помещение.

Камера продолжала работать. Снид повернулся лицом к объективу, поднял правую руку, поклялся говорить правду, а затем, давась слезами, рассказал, чему стал свидетелем. Стэффорд открыл конверт и поднес листки к самому объективу, чтобы можно было их хорошо рассмотреть.

– Да, я видел, как он это подписал, – заявил Снид. – Всего несколько минут назад.

– Вы узнаете его подпись? – задал вопрос Стэффорд.

– Да, это его рука.

– Слышали ли вы, как он сказал, что это его последняя воля и завещание?

– Да, он назвал это своим настоящим завещанием.

Стэффорд убрал листки прежде, чем Снид успел прочесть хоть слово. Ту же процедуру он повторил и с Дурбаном, потом сам встал перед камерой и изложил свою версию произошедшего. После этого камеру выключили, и все трое отправились вниз, чтобы отдать последнюю дань уважения мистеру Филану. Лифт был битком набит служащими, потрясенными, но желающими воспользоваться редкой возможностью увидеть старика, тем более что возможность эта была последней. Здание пустело. В углу слышались приглушенные рыдания Снида.

Охрана отгеснила толпу от тела Троя, лежавшего в луже крови. Послышалась сирена приближающейся «скорой помощи». Кто-то делал снимки, желая запечатлеть сцену смерти, потом тело накрыли черным одеялом.

Что касается родственников, то мало-помалу кое-какие признаки печали все же начали сменять всеобщее состояние потрясения, испытанного ими при виде тела Троя Филана. Теперь они стояли, опустив головы, печально глядя на одеяло и стараясь собраться с мыслями в преддверии будущих событий. Глядя на Троя, невозможно было не думать о деньгах. Скорбь из-за ухода из жизни давно прервавшего с ними всякие связи родственника, пусть даже это был их отец или муж, не могла заставить забыть о полумиллионе долларов.

У служащих шок сменился удивлением. Все знали, что Трой жил над ними, на верхнем этаже, но мало кто когда-либо видел его. По слухам, он был эксцентричен, безумен и болен. Мистер Филан не любил людей. В компании существовали ответственные вице-президенты, которые встречались с ним раз в год. Если корпорация так хорошо функционировала без самого Троя, стало быть, все сотрудники сохранят свои места.

Психиатрам – Зейделю, Фло и Тишену – было не по себе. Они объявили человека психически абсолютно здоровым, а через несколько минут после этого он совершил прыжок в небытие. Но ведь даже у сумасшедших бывают просветления, это научный факт, повторяли они себе, стоя в толпе и дрожа от страха. Пусть человек даже законченный безумец, но безумие иногда отступает, и в эти моменты он может принимать ответственные решения, в том числе подписывать завещание. На этом они будут стоять твердо. Слава Богу, что все записывалось на пленку. Старик Трой был в здравом рассудке. И при ясной памяти.

Что же касается адвокатов, то у них потрясение прошло быстро, и никакой печали они не испытывали. Стоя подле своих клиентов, они наблюдали за происходящим едва ли не с улыбками, предвкушая баснословные гонорары.

«Скорая» въехала на мощеную площадку и остановилась у тела Троя. Стэффорд подлез под уже натянутую оградительную ленту и что-то шепнул охранникам.

Тело Троя быстро положили на носилки и увезли.

Штаб своей корпорации Трой Филан перенес на север Виргинии, чтобы избежать нью-йоркского налогообложения. На покупку земли и строительство своего «Тауэра» он потратил сорок миллионов долларов. Благодаря такому переселению в последующие годы он многократно окупил эти расходы.

С Джошуа Стэффордом, подающим надежды адвокатом из округа Колумбия, Трой познакомился во время шумного процесса, который сам он проиграл, а Стэффорд выиграл. Трою очень понравились стиль и цепкость Джоша, и он нанял того на службу. За последние десять лет фирма Стэффорда значительно расширилась, а сам он стал богат благодаря битвам, которые выигрывал для Троя. В последние годы жизни Филана не было человека, более близкого ему, чем Джош Стэффорд.

Джош и Дурбан вернулись в зал заседаний на четырнадцатом этаже и заперли дверь изнутри. Снида отправили, посоветовав ему прилечь и отдохнуть. Снова включив камеру, Стэффорд открыл конверт и достал из него три желтых листка. На первом было письмо Троя к нему. Джош начал говорить в камеру:

– Это письмо датировано сегодняшним днем, понедельником, девятым декабря тысяча девятьсот девяносто шестого года. Написано от руки и адресовано Троем Филаном мне. В письме пять абзацев. Читаю его полностью:

«Дорогой Джош, теперь я уже мертв. Вот мои распоряжения, и я хочу, чтобы ты им строго следовал. Если понадобится, отстаивай их в суде, я желаю, чтобы они были исполнены.

Первое. По причине, которая станет ясна впоследствии, я хочу, чтобы вскрытие было проведено немедленно.

Второе. Не должно быть никакого погребения, никакой заупокойной службы. Я хочу, чтобы меня кремировали, а прах развеяли с самолета над моим ранчо в Вайоминге.

Третье. Мое завещание должно храниться в тайне до пятнадцатого января тысяча девятьсот девяносто седьмого года. Закон не требует от тебя его немедленного оглашения. В течение месяца ты должен сидеть на нем.

Прощай.

Трой».

Стэффорд медленно положил первый листок на стол и осторожно взял второй. С минуту изучал его, потом произнес в камеру:

– Это документ на одной странице, претендующий быть завещанием Троя Филана. Читаю его полностью:

«Последняя воля Троя Филана.

Я, Трой Л. Филан, находясь в здравом уме и твердой памяти, настоящим отменяю все ранее написанные завещания и дополнительные распоряжения к ним и распределяю свое наследство следующим образом.

Моим детям, Трою Филану-младшему, Рексу Филану, Либбигайл Джетер, Мэри-Роуз Джекмен, Джине Стронг и Рэмблу Филану оставляю суммы, достаточные для покрытия всех их долгов, имеющихся на сегодняшний день. Долги, сделанные после сегодняшнего дня, оплате не подлежат. Если кто-нибудь из моих детей решит опротестовать это завещание, распоряжение об уплате долгов этого сына или дочери аннулируется.

Моим бывшим женам Лилиан, Джейни и Тайре я не оставляю ничего. Они были достаточно обеспечены мной при разводах.

Все остальное свое имущество я завещаю моей дочери Рейчел Лейн, родившейся второго ноября одна тысяча девятьсот пятьдесят четвертого года в Католическом госпитале Нового Орлеана, штат Луизиана, от ныне покойной Эвелин Каннингэм».

Стэффорд впервые слышал об этих людях. Прежде чем продолжить, он перевел дыхание.

– «Исполнителем этого завещания назначаю своего поверенного в делах адвоката Джошуа Стэффорда и предоставляю ему все необходимые для этого полномочия.

Настоящий документ представляет собой мое собственноручное завещание. Каждое слово в нем написано моей рукой и мной подписано.

Декабря девятого числа одна тысяча девятьсот девяносто шестого года, три часа пополудни, подписано Троем Л. Филаном».

Стэффорд положил листок на стол и поморгал, стоя перед камерой. Ему, наверное, нужно было пройтись вокруг здания, глотнуть свежего воздуха, чтобы обрести равновесие, но он был обязан продолжать. Подняв третий листок, Стэффорд произнес:

– Это записка, состоящая из одного абзаца и снова адресованная мне. Читаю:

«Джош, Рейчел Лейн – миссионерка Всемирной организации миссионеров, работающих в племенах, живет на бразильско-болливийской границе. Она работает с отдаленным индейским племенем в районе, известном под названием Пантанал. Ближайший город – Корумба (с ударением на последнем слове). Я не смог найти ее. За последние двадцать лет у меня не было с ней никаких контактов. Подпись: Трой Филан».

Дурбан выключил камеру и дважды обошел вокруг стола, пока Стэффорд снова и снова перечитывал документы.

– Ты знал, что у него была незаконная дочь?

Стэффорд рассеянно смотрел в стену.

– Нет. Я составил для Троя одиннадцать завещаний, и он ни в одном ее не упоминал.

– Думаю, удивляться не следует.

Стэффорд много раз говорил, что ничему не удивляется, когда дело касается Троя Филана. В бизнесе и в личной жизни этот человек был эксцентричен и непредсказуем. Стэффорду приходилось миллион раз подстраховывать своего клиента и гасить самые разные конфликты.

Но на сей раз он действительно был потрясен. Только что он стал свидетелем необычного самоубийства: прикованный к инвалидному креслу человек вдруг вскочил и побежал. А теперь Джош держал в руках законное завещание, по которому одно из самых крупных состояний в мире переходило к никому не известной наследнице. И в этом завещании не было даже намека на то, как ей следует им распорядиться. Налог на наследство будет чудовищным.

– Тип, мне нужно выпить, – сказал Стэффорд.

– Рановато.

Они перешли в примыкавший к залу кабинет мистера Филана. Секретарша и все, кто работал на этом этаже, по-прежнему находились внизу.

Адвокаты заперли за собой дверь и стали поспешно просматривать шкафы и ящики стола, которые оказались открытыми. Трой предполагал, что они это будут делать, иначе никогда не оставил бы свои конфиденциальные бумаги без присмотра. Он знал, что Джош придет сюда сразу же. В среднем ящике стола они нашли договор с крематорием в Александрии, заключенный пятью неделями раньше. Под ним лежала папка со сведениями о Всемирной организации миссионеров, работающих в племенах.

Они собрали все, что могли унести, потом нашли Снида и велели ему запереть кабинет.

– Что там в последнем завещании? – спросил Снид. Он был бледен, глаза у него ввалились. Мистер Филан не мог умереть вот так, ничего ему не оставив – никаких средств к существованию. Он преданно служил Трою тридцать лет.

– Я не могу этого сказать, – ответил Стэффорд. – Приду завтра, чтобы сделать подробную опись. Никого сюда не впускай.

– Разумеется, – прошептал Снид и снова заплакал.

Следующие полчаса Стэффорд и Дурбан провели с полицейским, приехавшим на место происшествия. Они показали ему место, где Трой перевалился через перила, сообщили имена свидетелей, не вдаваясь в подробности, описали то, что связано с последним письмом и последним завещанием Филана. Случай был предельно ясным – самоубийство. Они пообещали предоставить полиции копию заключения о вскрытии, и коп, закрыв дело, покинул здание.

Отправившись к судмедэксперту, Джош и Тип распорядились немедленно провести вскрытие.

– Зачем нужно вскрытие? – шепотом спросил Дурбан.

– Чтобы доказать, что в организме Троя не было ни наркотиков, ни алкоголя. Ничего, что могло бы поставить под сомнение его дееспособность. Он все предусмотрел.

Было уже почти шесть, когда они добрались до бара в отеле «Уиллард», неподалеку от Белого дома – в двух кварталах от их офиса. Только хорошенько выпив, Стэффорд впервые за весь день позволил себе улыбнуться:

– Он и впрямь все предусмотрел, не так ли?

– Он очень жестокий человек, – задумчиво сказал Дурбан. Потрясение сменилось трезвым осознанием действительности.

– Ты хочешь сказать – *был* очень жестоким человеком.

– Нет. Он и сейчас есть. Трой продолжает сеять распри.

– Можешь себе представить, сколько денег потратят в предстоящий месяц эти глупцы?

– Мне кажется, преступно не сообщить им о завещании.

– Мы не можем. У нас – твердое распоряжение клиента.

Для адвокатов, чьи клиенты редко разговаривали друг с другом, подобная встреча была событием экстраординарным. Ведущая роль в этой комнате принадлежала Хэрку Геттису, судебному адвокату, в течение многих лет представлявшему интересы Рекса Филана на разного рода шумных процессах. Хэрок настоял, чтобы эта встреча состоялась немедленно, как только он вернется в свой офис на Массачусетс-авеню. Он шепнул об этом на ухо адвокатам Ти Джея и Либбигайл еще тогда, когда тело старика заносили в машину «скорой помощи».

Идея была разумная, и никто спорить не стал. Все, вместе с Фло, Зейделем и Тишеном, явились сразу после пяти. Здесь их уже ожидал судебный репортер с двумя видеокамерами.

По понятным причинам все нервничали из-за самоубийства Троя Филана. Психиатров развели по разным комнатам и каждого подробно расспросили о впечатлении, которое произвел на них мистер Филан перед тем, как спрыгнул с балкона.

Ни у одного из троих не было и тени сомнения, что мистер Филан полностью отдавал себе отчет в том, что делает, и находился в здравом уме, а следовательно, имел полное право подписывать завещание. Чтобы совершить самоубийство, не обязательно быть сумасшедшим, подчеркивали доктора.

После того как адвокаты – каждый из тринадцати – вытянули из психиатров все, что было возможно, Геттис закончил встречу. Было почти восемь часов вечера.

Глава 4

Если верить «Форбсу», в списке самых богатых людей Америки Трой Филан занимал десятую строку. Его смерть заслуживала места в колонке самых важных новостей, а способ, который он выбрал для ухода из жизни, делал ее и вовсе сенсацией.

У дома на Фоллз-Черч, где жила Лилиан, толпились репортеры, ожидавшие, что к ним выйдет кто-нибудь из членов семьи. А пока они фотографировали друзей и соседей, входивших и выходивших из дома, и задавали им банальные вопросы о семье покойного.

Четверо же старших детей Филана вместе с женами, мужьями и своими детьми в это время принимали соболезнования. В присутствии посторонних они демонстрировали печаль. Но как только оставались одни, настроение решительно менялось. Ти Джею, Рексу, Либбигаил и Мэри-Роуз с трудом удавалось заставить своих отпрысков – одиннадцать ребятишек – сдерживать радость. Это действительно было трудно. Принесли много отличного вина и шампанского. Старый Трой не хотел, чтобы они горевали, не так ли? Старшие внуки пили больше родителей.

Телевизор, стоявший в нише, был включен, и каждые полчаса они собирались перед ним, чтобы прослушать последние сообщения Си-эн-эн, связанные со смертью Троя. Корреспондент, разбирающийся в проблемах финансов, слепил десятиминутный сюжет о необъятной империи Филана. Просматривая его, все улыбались.

Одна Лилиан, сжав губы, правдоподобно изображала горе. Завтра она займется организацией похорон.

Хэрк Геттис прибыл около десяти и сообщил семье, что разговаривал с Джошем Стэффордом. Погребения не будет, не будет и никакого отпевания; только вскрытие, кремация и рассеивание праха. Так завещано Троем, и Стэффорд готов отстаивать волю своего клиента в суде.

Лилиан, равно как и ее детям, было совершенно наплевать, что станут делать с телом Троя, но из чувства противоречия они стали спорить с Геттисом: недостойно, мол, расставаться с Троем безо всякой заупокойной службы. Либбигаил удалось даже выдавить слезу и изобразить дрожь в голосе.

– Я не стану это оспаривать, – стоял на своем Геттис. – Мистер Филан оставил письменное распоряжение на этот счет, и любой суд с уважением отнесется к его предсмертной воле.

Родственники быстро согласились. Нет никакого смысла тратить уйму времени и денег на судебные тяжбы и продлевать срок траура. Зачем усугублять положение? Трой всегда получал то, что хотел. К тому же на собственном горьком опыте они знали – лучше с Джошем Стэффордом не связываться.

– Будем действовать согласно его воле, – вздохнула Лилиан, и четыре головы за спиной матери одновременно закивали.

Никто не спросил о завещании и о том, когда можно будет наконец с ним ознакомиться, хотя именно этот вопрос волновал их больше всего. Лучше еще несколько часов поизображать безутешное горе, а уж потом перейти к делам. Поскольку не будет ни отпевания, ни похорон, ни траурного приема, вероятно, они смогут встретиться завтра утром и все обсудить.

– А зачем вскрытие? – спросил Рекс.

– Понятия не имею, – ответил Геттис. – Стэффорд сказал, что это распоряжение содержится в предсмертной записке, но даже он не понимает, зачем это нужно.

После ухода Геттиса все выпили еще. Поток визитеров иссяк, и Лилиан отправилась в постель, а Либбигаил и Мэри-Роуз – по домам. Ти Джей с Рексом спустились на первый этаж в бильярдную, заперлись там и стали накачиваться виски. К полуночи, надрывшись, как матросы

в портовом кабаке, они гоняли шары по столу, ликуя по поводу свалившегося на них баснословного богатства.

В восемь часов утра на следующий день после смерти мистера Филана Джошуа Стэффорд обращался к взволнованным директорам «Филан групп». Два года назад мистер Филан ввел самого Джоша в совет директоров, но эта роль ему абсолютно не нравилась.

Последние шесть лет «Филан групп» работала вполне успешно и прибыльно без активного участия ее основателя. По какой-то причине, вероятно, из-за депрессии, Трой утратил интерес к повседневному руководству своей империей. Он довольствовался мониторингом рынков и докладами о доходах.

Сейчас исполнительным директором компании был Пэт Соломон, бывший высокопоставленный служащий, которого Трой привлек к работе двадцать лет назад. Когда Стэффорд вошел в зал заседаний, Пэт нервничал так же, как остальные семь членов совета.

Для беспокойства оснований хватало. Вокруг компании всегда ошивалась куча приспешников жен Троя и их отпрысков. Малейший намек на то, что контрольный пакет акций может перейти в их руки, привел бы в ужас любой совет директоров.

Джош начал с оглашения распоряжений мистера Филана относительно похорон.

– Никаких похорон, собственно, не будет, – мрачно сказал он. – Честно говоря, у нас нет возможности отдать ему последнюю дань уважения.

Это присутствующие выслушали без комментариев. Если бы умер обыкновенный человек, подобное пренебрежение условностями показалось бы ошеломляющим. Но поскольку речь шла о Трое, удивляться не приходилось.

– Кто станет владельцем компании? – спросил Соломон.

– Сейчас я не могу этого сказать, – ответил Стэффорд, прекрасно отдавая себе отчет в том, насколько уклончиво и неудовлетворительно прозвучал его ответ. – Трой подписал завещание за несколько мгновений до того, как спрыгнул с балкона, и распорядился держать втайне его содержание в течение некоторого времени. Ни при каких условиях я не могу разгласить его. По крайней мере пока.

– А когда же?

– Скоро. Но не сейчас.

– Значит, работать, как прежде?

– Именно. Совет директоров сохраняет прежние полномочия; все продолжают выполнять свои обязанности. Завтра компания будет жить так же, как вчера.

Это звучало утешительно, но никто не поверил Стэффорду. Рано или поздно компания должна перейти в другие руки. Трой никогда не был сторонником раздела акций между акционерами «Филан групп». Он хорошо платил своим служащим, но не позволял им стать собственниками даже малой доли компании. Лишь три процента акций принадлежали нескольким избранным.

Около часа они прокорпели над пресс-релизом, а потом расстались на месяц.

В коридоре Стэффорда ждал Тип Дурбан, и они вместе отправились в Маклин к судмедэксперту. Вскрытие к тому времени закончилось.

Причина смерти, как и ожидалось, была очевидной. Следов наркотиков или алкоголя в крови не обнаружено.

Но не обнаружено и опухолей. Никаких признаков рака. В момент кончины Трой пребывал в добром здравии, хотя сказывалось недоедание.

Когда они переезжали через Потомак по мосту Рузвельта, Тип наконец нарушил молчание:

– Он говорил тебе, что у него опухоль мозга?

– Да. Несколько раз. – Стэффорд, сидевший за рулем, едва замечал улицы, мосты, машины, пронесившиеся мимо. Сколько же у Троя было секретов?

– Зачем он лгал?

– Кто знает? Ты пытаешься найти логику в поступках человека, только что спрыгнувшего с четырнадцатого этажа. Рак мозга хоть как-то оправдывал его поведение. Все, и я в том числе, думали, что он умирает. Из-за странностей поведения Троя созвать консилиум психиатров было очень уместной идеей. Он поставил ловушку, и они попали в нее, а теперь эти психиатры клянутся, что Трой был абсолютно вменяемым. Думаю, кроме всего прочего, ему хотелось сочувствия.

– Но он был чокнутым, ведь правда? Конечно, был, иначе не сиганул бы с балкона.

– У Троя было много странностей, но он точно знал, что делает.

– А зачем прыгнул?

– Депрессия. Он был одиноким стариком.

На Конститушн-авеню они попали в огромную пробку. Сидя в машине и глядя на длинную вереницу неподвижных машин, вытянувшуюся перед ними, каждый думал о своем.

– Это похоже на мошенничество, – сказал наконец Дурбан. – Он завлек их в ловушку обещанием денег, согласился на беседу с их психиатрами, а в последний момент оставил всех с носом.

– Конечно, это было мошенничество, но речь ведь идет о завещании, а не о контракте. Завещание – это дар. По законам Виргинии человек не обязан оставлять что-то детям.

– Но они наверняка будут оспаривать завещание.

– Возможно. У них куча адвокатов. И на кон поставлено слишком много денег.

– Почему он так их всех ненавидел?

– Трой считал их пиявками. Они мешали ему. Постоянно боролись с ним. Они никогда честно не заработали ни пенни, а промотали целые миллионы. Трой никогда не собирался им ничего оставлять. Он считал, что раз они сумели профукать миллионы, сумеют и миллиарды пустить по ветру. И был абсолютно прав.

– А разве не было и его вины в том, что родные так относились к нему?

– Была, и значительная. Троя было трудно любить. Он когда-то признался мне, что был плохим отцом и отвратительным мужем. Не пропускал ни одной юбки, особенно был охоч до женщин, которые у него работали. Считал их своей собственностью.

– Припоминаю, ему даже предъявляли судебные иски за сексуальные домогательства.

– Мы всех убедили замолчать. Заплатили большие деньги. Трой не любил проблем.

– Не думаешь, что могут всплыть еще какие-нибудь наследники?

– Сомневаюсь. Но откуда мне знать? Я и представить себе не мог, что существует эта наследница, а уж почему он практически все оставил ей, мне и вовсе не понятно. Мы с Троем провели немало часов, обсуждая, как распределить его наследство.

– Как же мы будем ее искать?

– Не знаю. Об этом я еще не думал.

По возвращении в офис Джош увидел, что сотрудники его фирмы пребывают в страшном возбуждении. По вашингтонским меркам фирма была невелика – всего шестьдесят работников. Джош был ее основателем и старшим партнером. Тип Дурбан и еще четверо назывались партнерами, но это означало лишь, что Джош время от времени выслушивал их и делился с ними доходами. В течение тридцати лет это была фирма, которая занималась судебными тяжбами, не слишком заботясь о безупречности средств, но ближе к шестидесяти Джош все меньше времени стал проводить в судах, а все больше сидел за столом, заваленным бумагами. Если бы захотел, он мог иметь сотню юристов из бывших сенаторов, лоббистов и правитель-

ственных аналитиков – в Ди-Си¹, их пруд пруди. Однако Джош обожал судебные процессы, атмосферу залов суда и нанимал только молодых сотрудников, которые успели поучаствовать по меньшей мере в десяти процессах, рассматривавшихся судами присяжных.

Обычно активная карьера судебного юриста не превышает двадцати пяти лет. Первый сердечный приступ заставляет их умерить свою прыть, чтобы оттянуть второй. Джошу удалось избежать работы на износ благодаря тому, что он посвятил себя юридическому обеспечению дел одного лишь мистера Филана – безопасность, антимонопольное законодательство, кадры, слияние компаний и десятки личных дел.

Три группы коллег ждали в приемной перед его огромным кабинетом. Пока Джош снимал пальто и усаживался за стол, два секретаря докладывали ему о делах на сегодня и телефонных звонках.

– Какой самый важный? – спросил он.

Безотлагательным оказался звонок Хэрка Геттиса, человека, с которым Джош разговаривал последний месяц по меньшей мере три раза в неделю. Он набрал номер, и Хэрок тут же взял трубку. Они быстро покончили с приветствиями, и Хэрок перешел к делу:

– Послушайте, Джош, вы можете себе представить, как семья давит на меня?

– Прекрасно представляю.

– Джош, они желают увидеть это проклятое завещание! Или хотя бы узнать, что в нем.

От следующих слов Джоша очень многое зависело, и он их давно обдумал.

– Не так скоро, Хэрок.

Короткая пауза, после которой:

– Но почему? Что-то не так?

– Меня беспокоит самоубийство.

– Почему? Что вы имеете в виду?

– Послушайте, Хэрок, может ли человек быть в здравом рассудке за несколько секунд до того, как спрыгнуть с четырнадцатого этажа?

Голос Хэрка зазвучал на октаву выше, а в интонации послышалось еще большее волнение:

– Но вы же слышали заключение психиатров. Все записано на пленку.

– А после самоубийства Филана они продолжают настаивать на своем заключении?

– Черт возьми, да!

– Вы можете это доказать? Я прошу у вас помощи, Хэрок.

– Джош, вчера вечером мы еще раз опросили наших психиатров. Мы из них кишки тянули, но они тверды как скала. Все они подписали восьмистраничное заключение, поклявшись в психическом здоровье мистера Филана.

– Могу я ознакомиться с этим документом?

– Я сейчас же вам его пришлю.

– Сделайте одолжение. – Джош повесил трубку и улыбнулся. В кабинет вошли коллеги – три группы блистательных и бесстрашных молодых юристов – и расселись за стоявшим в углу столом красного дерева.

Джош начал с резюме содержания собственноручного завещания Троя и юридических осложнений, которые оно могло повлечь. Первой группе сотрудников он поручил разобраться со сложной проблемой дееспособности завещателя. Троя поджимало время. Просвет между двумя периодами утомления. Джош хотел, чтобы проанализировали все прецеденты, имеющие хоть отдаленное отношение к подписанию завещания лицом, которое считалось невменяемым.

¹ Ди-Си – так, по начальным буквам, называют в Америке округ Колумбия. – *Здесь и далее примеч. пер.*

Вторая команда получила задание исследовать рукописные завещания и особенно – все случаи их опротестования.

Когда две первые группы покинули кабинет, Джош позволил себе немного расслабиться и сел. Этим ребятам повезло больше, потому что следующие три дня им не нужно было сидеть в пыльной библиотеке.

– Вам предстоит найти человека, который, как я подозреваю, не хочет, чтобы его нашли.

Он передал им все, что знал о Рейчел Лейн. Информации было не много. Папка из стола Троя оказалась совсем тонкой.

– Прежде всего разузнайте все о Всемирной организации миссионеров, работающих с племенами. Кто эти люди? Чем занимаются? Как подбирают персонал? Куда посылают своих сотрудников? Словом, все. Второе: в Ди-Си имеется несколько превосходных частных сыщиков – специалистов по розыску пропавших. Обычно это бывшие сотрудники ФБР или правительственных структур. Отберите двоих лучших, решение примем завтра. Третье: мать Рейчел звали Эвелин Каннингэм, она уже умерла. Соберите все, что можно о ней узнать. Допустим, у них с мистером Филаном был короткий роман, плодом которого стал ребенок.

– Допустим? – переспросил один из подчиненных.

– Да. Мы ничего не принимаем на веру.

Отпустив и эту группу юристов, Джош прошел в конференц-зал, где Тип Дурбан собрал небольшую пресс-конференцию. Дюжина нетерпеливых репортеров сидела за столом, расставив диктофоны. Это были представители крупных газет и уважаемых финансовых изданий.

Посыпались вопросы. Да, существует подписанное в последнюю минуту завещание, но Стэффорд не вправе обнародовать его содержание. Да, проводилось вскрытие, но этот вопрос он обсуждать не может. Компания будет продолжать работать в прежнем режиме. Он не может говорить о том, кто станет ее новым владельцем.

Не было ничего удивительного в том, что родственники, очевидно, на протяжении дня беседовали с репортерами.

– Циркулируют упорные слухи, что мистер Филан своим последним завещанием разделил состояние между шестью детьми. Можете ли вы подтвердить или опровергнуть это?

– Не могу. Это только слухи.

– Он не умирал от рака?

– Это вопрос к патологоанатому, я не могу его комментировать.

– Мы слышали, что незадолго до смерти мистера Филана обследовал консилиум психиатров и признал психически здоровым. Вы можете это подтвердить?

– Да, – ответил Стэффорд. – Это правда.

Следующие двадцать минут были посвящены подробностям консилиума. Джош стоял на своем, позволяя себе утверждать лишь то, что мистер Филан «казался» совершенно психически уравновешенным.

Репортеры финансовых изданий жаждали цифр. Поскольку «Филан групп» частная компания, очень закрытая, информацию о ней получить трудно. Теперь предоставлялась возможность приоткрыть завесу, во всяком случае, они так думали. Но Джош мало что им сообщил.

Спустя час он извинился, сославшись на дела, и вернулся к себе в кабинет, где секретарша доложила ему, что звонили из крематория. Надо было забрать останки мистера Филана.

Глава 5

Промаявшись от похмелья все утро, Ти Джей выпил пива и решил, что пора размяться. Он позвонил своему доверенному юристу, чтобы выяснить, как обстоят дела, и тот посоветовал запастись терпением.

– Это займет некоторое время, Ти Джей, – сказал он.

– А если я не расположен ждать? – огрызнулся Ти Джей. У него раскалывалась голова.

– Потерпи несколько дней.

Ти Джей швырнул трубку и обошел квартиру. Жены, к счастью, не было. Еще и полдня не прошло, а они уже трижды успели поссориться. Вероятно, она отправилась по магазинам, чтобы растратить часть его нового состояния. Теперь его это не волновало.

– Старый козел сдох, – сказал он громко.

В доме вообще никого не было. Двое его детей учились в колледже на средства Лилиан, которая сохранила еще кое-что из денег, доставшихся ей от Троя при разводе много лет назад. Ти Джей жил вдвоем с Бифф, тридцатилетней разведенной женщиной, чьи двое детей остались с отцом. У Бифф была лицензия на торговлю недвижимостью, и она продавала симпатичные маленькие домики для молодоженов.

Ти Джей открыл еще банку пива и уставился на свое отражение в огромном зеркале, висевшем в холле.

– Трой Филан-младший, – провозгласил он. – Сын Троя Филана, десятого номера в списке богачей Америки, чье состояние оценивается в одиннадцать миллиардов, ныне покойного, навек оставившего любивших его жен и обожавших его детей, которые после официального утверждения завещания будут обожать его еще больше. Да!

Да будет так! Теперь Ти Джей надежно обеспечен и уверенно пойдет по жизни в качестве Троя Филана-младшего. Волшебное имя!

В квартире стоял неприятный запах, потому что Бифф отказывалась делать уборку. Она была слишком занята и постоянно висела на своем сотовом телефоне. На полу чего только не валялось, зато стены оставались абсолютно голыми. Мебель он арендовал в компании, адвокаты которой уже предъявили ему иск. Ти Джей пнул ногой диван:

– Ну давайте приезжайте и забирайте эту рухлядь! Скоро я найму лучших дизайнеров, чтобы устроить себе шикарное жилье.

Он мог теперь позволить себе даже спать весь этот дом. Еще банка-другая пива, и он, пожалуй, действительно начал бы играть со спичками.

Но Ти Джей вовремя остановился и переоделся в лучший костюм, серый, в котором был вчера, когда дорогой папочка предстал перед консилиумом психиатров и сыграл такой великолепный спектакль. Раз не будет никаких похорон, не надо мчаться покупать новый, черный костюм.

– Армани, готовься, я скоро приду, – весело пропел он, застегивая «молнию» на ширинке.

Зато у него был «БМВ». Жить он мог хоть в пещере, этого никто не видел. А вот на машину все обращали внимание, поэтому он каждый месяц наскребал шестьсот восемьдесят долларов, чтобы продлевать аренду автомобиля. По дороге к стоянке Ти Джей на чем свет ругал свою квартиру, находившуюся в одном из восьмидесяти сгрудившихся вокруг мелкого пруда домов в перенаселенном районе Манассас.

Когда-то, до двадцати лет, он жил беззаботно и в роскоши, а потом, к совершеннолетию, получил от отца дар. Но пять миллионов растаяли прежде, чем ему исполнилось тридцать, и за это отец презирал его.

Они боролись постоянно и яростно. Троя-младшего назначали на разные должности в «Филан групп», но каждый раз это кончалось катастрофой. Старший Трой неизменно выки-

дывал его вон. Сам он умел рисковать, и его дерзкие затеи уже через несколько лет приносили миллионы. Авантюры же младшего Троя неизбежно кончались банкротством и судебными тяжбами.

Впрочем, в последние годы борьба между ними почти прекратилась. Ни тот ни другой измениться не могли, поэтому стали просто игнорировать друг друга. Но когда у старшего обнаружилась опухоль, младший снова возник на горизонте.

О, какое жилье он себе построит! Ти Джей уже нацелился на одну архитекторшу, японку из Манхэттена, о которой прочел в иллюстрированном журнале. Не позже чем через год он, наверное, переедет в Малибу, или Асперн, или Палм-Бич, где с такими деньгами можно показывать себя и все будут принимать его всерьез.

– Что можно сделать с половиной миллиарда? – размышлял он, мчась по автомагистрали. – Пять сотен свободных от налогов миллионов долларов! – Ти Джей заливисто рассмеялся.

Приехав в офис приятеля, управлявшего агентством по продаже «БМВ» и «порше», он вошел в демонстрационный зал как владыка мира, улыбаясь самодовольно-снисходительно. Если бы захотел, он мог бы купить все это заведение. Заметив на прилавке утреннюю газету, крупный заголовок статьи на первой полосе, посвященной кончине его отца, Ти Джей не ощутил и тени печали.

Управляющий, Дикки, выскочил из кабинета и сочувственно произнес:

– Ти Джей, прими мои соболезнования.

– Спасибо, – слегка нахмурившись, ответил Трой-младший. – Знаешь, так лучше для него самого.

– Тем не менее мне очень жаль.

– Забудь об этом.

Они вошли в кабинет и закрыли за собой дверь.

– В газетах пишут, что он за несколько минут до смерти подписал завещание. Это правда?

Трой-младший уже просматривал рекламные буклеты новых моделей автомобилей.

– Да. Я при этом присутствовал. Он разделил свое состояние на шесть частей, по одной каждому из нас, – пояснил он небрежно, не поднимая головы, словно деньги были уже у него в кармане и успели ему порядком надоесть.

У Дикки отвисла челюсть, и он опустился в кресло. Неужели он вдруг оказался в обществе человека, обладающего столь солидным состоянием? Неужели этот никчемный Ти Джей теперь миллионер? Как и все, кто знал Ти Джея, Дикки считал, что Трой Филан не зря отстранил его от себя.

– Бифф, наверное, захочет «порше», – сказал Трой-младший, продолжая изучать буклеты. – Красный «Каррера-турбо-911» с откидным верхом.

– Когда?

Трой-младший с недоумением уставился на него:

– Сейчас.

– Ну конечно, Ти Джей. А как с оплатой?

– Я расплачусь за него тогда же, когда и за свой черный, тоже девятьсот одиннадцатый. Сколько они стоят?

– Около девяноста тысяч каждый.

– Без проблем. Когда их нам доставят?

– Мне сначала нужно их раздобыть. На это уйдет день или два. Платить будешь наличными?

– Разумеется.

– А когда у тебя будут наличные?

– Примерно через месяц. Но машины мне нужны прямо сейчас.

Дикки перевел дыхание и смущенно заерзал:

– Послушай, Ти Джей, я не могу отдать две новые машины без какого бы то ни было платежного документа.

– Прекрасно. Тогда посмотрим на «ягуары», Бифф всегда хотела иметь «ягуар».

– Но послушай, Ти Джей...

– Нет, это ты послушай. Я могу купить все ваше заведение. Могу пойти прямо сейчас в любой банк и попросить десять миллионов. Или двадцать. Или еще больше – сколько там нужно, чтобы все это купить, – и мне с радостью дадут их на шестьдесят дней. Ты понимаешь?

Дикки, прищурившись, кивал головой. Да, он понимал.

– Сколько он тебе оставил?

– Достаточно, чтобы и банк заодно приобрести. Так ты даешь мне машины или мне идти в другой магазин?

– Дай мне время найти их.

– Вот так-то лучше, – кивнул Ти Джей. – Поторопись. Я зайду сегодня после обеда. Садись на телефон. – Он швырнул буклеты на стол и направился к выходу.

В представлении Рэмбла оплакивать покойного означало провести целый день, запершись в своей берлоге на первом этаже, курить травку, слушать рэп и не обращать никакого внимания ни на стук в дверь, ни на телефонные звонки. В связи с семейным горем мать разрешила ему не ходить в школу до конца недели. Если бы у нее был ключ, она бы знала, что он не ходит туда уже целый месяц.

Вчера, по дороге из «Филан-Тауэр», адвокат сказал Рэмблу, что он вступит в право владения деньгами по достижении восемнадцати или двадцати одного года – в зависимости от условий завещания. И хотя до тех пор он не сможет свободно распоряжаться деньгами, разумеется, ему везде будет предоставлен широкий кредит.

Рэмбл решил сколотить свою группу и на собственные деньги выпускать альбомы. У него много друзей, которые не могут раскрутиться, поскольку у них нет средств на аренду студии. У него же все будет по-другому. Он назовет свою группу «Рэмбл», будет играть в ней на бас-гитаре, петь, и девчонки начнут сходиться от него с ума. Это будет альтернативный рок с элементами рэпа – нечто новенькое, придуманное им самим.

Двумя этажами выше, в своем кабинете, Тайра и ее мать весь день висели на телефоне, принимая сердечные соболезнования друзей. Многие из них болтали долго, пытаясь выведать, сколько она получит по завещанию Троя, но Тайра боялась загадывать. Она вышла замуж за Филана в 1982 году, когда ей было всего двадцать три, и перед этим подписала длинный брачный контракт, согласно которому в случае развода получала только десять миллионов и дом.

Разошлись они шесть лет назад, и теперь у нее осталось всего два миллиона.

А ей столько всего нужно. У ее друзей – дома в тихих бухтах на Багамах, у самого моря, а ей приходилось жить в отелях. Они покупали наряды у лучших нью-йоркских кутюрье, а она свои приобретала в местных магазинах. Их дети учились вдали от них, в закрытых частных школах, и нисколько не мешали им, а Рэмбл постоянно торчал рядом в доме, на первом этаже.

Конечно же, Трой оставил ей миллионов пятьдесят. Один процент его состояния равняется приблизительно сотне миллионов. Один паршивый процент. Это она быстро подсчитала, набросав цифры на салфетке, пока разговаривала со своим адвокатом.

...Джине Филан-Стронг было тридцать лет, и она переживала бурные перипетии своего второго брака, с Коуди. Он принадлежал к старинному богатому семейству с северо-востока, но к настоящему времени от их денег остались лишь воспоминания, сама Джина их так и не увидела. Коуди был блестяще образован – он окончил Тафт, Дартмут и факультет бизнес-менеджмента в Колумбийском университете – и считал себя провидцем в области коммерции. Он не

задерживался ни на одной должности, так как полагал, что это непозволительная роскошь – зарывать свой дар в стенах того или иного кабинета. Его наполеоновским планам не должны были мешать капризы и распоряжения разных боссов. Коуди должен был стать – разумеется, благодаря собственным талантам – миллиардером, причем, не исключено, самым молодым в истории США.

Но и после шести лет их супружества он не нашел своего места в жизни. А если выражаться точнее, потери его были ошеломляющими. В 1992 году он потерпел крах, занимаясь контрактами в торговле медью, на что ушел один из миллионов Джины. А два года спустя Коуди облапошили на не имеющих законной силы сделках, когда произошел драматический обвал рынка ценных бумаг. Джина уходила от него на четыре месяца, но потом они помирились, и она вернулась.

Они много тратили. Врач рекомендовал им путешествовать, чтобы поддерживать себя в хорошей форме, поэтому они объехали чуть ли не весь мир. Пока они были молодыми и богатыми, проблемы не казались им такими уж серьезными, но деньги таяли. От десяти миллионов, полученных Джиной от отца на совершеннолетие, осталось меньше миллиона, а долги все росли. К тому моменту как Трой выбросился с балкона, их брак оказался под угрозой.

Все утро они потратили на поиски дома в Суинкс-Милле – месте, где всегда мечтали поселиться. С каждым часом мечты их становились все более дерзкими, и к обеду они уже замахнулись на дома стоимостью более двух миллионов. После ленча они встретились с агентом по продаже недвижимости – энергичной женщиной по имени Ли, кудрявой блондинкой со взбитыми волосами, двумя сотовыми телефонами и сияющим «кадиллаком». Джина представилась как Джина Филан, причем фамилию произнесла подчеркнуто весомо и многозначительно. По всей видимости, Ли не читала финансовой периодики – она никак не прореагировала на это, и когда они осматривали третий дом, Коуди был вынужден отвести жену в сторону и шепотом сообщить о событиях, касающихся его тестя.

– А, это тот богач, который сиганул с балкона? – спросила Ли, прикрыв рот ладонью. Джина в это время заглядывала в чулан в конце коридора, где была устроена небольшая сауна.

Коуди печально кивнул.

К наступлению сумерок они добрались до пустого дома, стоившего уже четыре с половиной миллиона, причем и Джина, и Коуди всерьез размышляли о том, чтобы его приобрести. Ли редко доводилось иметь дело с такими богатыми клиентами, и они своими капризами довели ее до бешенства.

Рекс, сорокачетырехлетний брат Ти Джея, был единственным из детей Троя, находившимся в момент его смерти под следствием. Его неприятности были связаны с рухнувшим банком, за которым банковские эксперты и сотрудники ФБР вот уже три года вели пристальное наблюдение, и множеством исков и расследований, которые повлекло за собой это крушение.

Чтобы обезопасить себя и обеспечить привычную шикарную жизнь, Рекс купил сеть топless-баров и стрип-клубов в районе Форт-Лодерейла, являвшихся частью владений убитого в бандитской разборке бизнесмена. Заведения подобного рода очень прибыльны, их посещаемость высока, и при быстром обороте средств скрывать наличные не составляет труда. Не будучи сверхалчным человеком, Рекс прикарманивал ежемесячно около двадцати четырех тысяч свободных от налогов долларов – приблизительно по четыре тысячи с каждого из шести своих клубов.

Клубы были записаны на имя Эмбер Рокуэлл, его жены, бывшей стриптизерши, с которой он познакомился однажды ночью, когда она, пошатываясь, слонялась по бару. В сущности, все его доходы принадлежали ей, и это его беспокоило. Добавив немного одежды, убавив макияжа и сменив эксцентричную обувь, Эмбер могла сойти за вполне респектабельную особу даже в тех вашингтонских кругах, где вращался Рекс. Там мало кто знал о ее прошлом. Но в душе она

оставалась шлюхой, и то, что вся их собственность официально принадлежала ей, заставляло бедного Рекса проводить ночи без сна.

К моменту смерти отца Рексу были предъявлены кредиторами, партнерами и инвесторами банка иски на семь миллионов долларов. Ввиду отсутствия у него таких денег его имущество могли арестовать, а его самого – подвергнуть судебному преследованию. И сумма эта постоянно росла. Иски, однако, оставались неудовлетворенными, поскольку кредиторам не на что было претендовать. Рекс не владел ничем, даже машиной. И квартира, и два одинаковых «корветта» были арендованы на имя Эмбер. Клубы и бары официально принадлежали офшорной корпорации, которую создала она, никаких следов участия Рекса проследить было невозможно. Поэтому-то ему и удавалось пока ускользать от закона.

Их брак был стабильным настолько, насколько может быть стабильным брак мужчины и женщины со столь «сложными» биографиями; они устраивали множество вечеринок и имели огромное количество друзей-прихлебателей, которых манило имя Филана. Жизнь их была сплошным праздником, несмотря на финансовые трудности. Но Эмбер и ее доходы страшно тревожили Рекса. Какая-нибудь серьезная ссора – и Эмбер могла исчезнуть навсегда.

Со смертью Троя всем тревоблениям приходил конец. Качели взлетели, и Рекс оказался на вершине, фамилия принесла ему состояние. Он продаст бары и клубы, одним махом рассчитается с долгами и окунется в денежные игры. Одно неверное движение со стороны Эмбер – и она снова будет танцевать на столе с засунутыми под резинку трусиков смятыми долларовыми бумажками.

Этот день Рекс провел с Хэрком Геттисом, своим адвокатом. Он отчаянно желал поскорее получить деньги, поэтому заставил Геттиса позвонить Джошу Стэффорду и попросить разрешения взглянуть на завещание. Рекс строил планы, большие и амбициозные планы насчет того, как он распорядится деньгами, а Хэрок будет помогать ему в каждом шаге, предстоящем на этом пути. Рекс надеялся получить контроль над «Филан групп». Его часть голосующих акций, какой бы она ни была, сложенная с акциями, принадлежащими Ти Джею и сестрам, разумеется, позволит им получить большинство голосов. Но будет ли капитал находиться в доверительной собственности, передан напрямую или его передачу обставят сотней хитрых условий, которые позволят Трою насмехаться над ними даже из могилы?

– Мы должны увидеть это треклятое завещание! – вопил он целый день, терзая Хэрка.

Хэрку удалось уговорить его лишь с помощью долгого обеда с прекрасным вином, после чего они – уже позже – переключились на виски. Заглянув к ним, Эмбер увидела, что оба вдрызг пьяны, но не рассердилась. Сейчас Рекс ничем не мог ее рассердить. Сейчас она любила его больше, чем прежде.

Глава 6

Путешествие на запад должно было дать передышку посреди того хаоса, в который мистер Филан поверг всех своим внезапным прыжком. Его ранчо находилось неподалеку от Джексон-Хоула, где уже лежал снег толщиной в фут и ожидалось новые снегопады. Джошу, впрочем, было все равно. Он рассеял бы прах перед лицом любой природной стихии.

Его осаждали адвокаты наследников. После его вопросов Хэрку Геттису относительно дееспособности старика в момент подписания завещания все семейство пришло в волнение, их реакция, как и предполагалось, была истерической и не лишенной оттенка угрозы. Поэтому путешествие представлялось чем-то вроде каникул. Им с Дурбаном удастся осмыслить предварительные итоги расследования и наметить план действий.

Они вылетели из Национального аэропорта на «Гольфстриме-IV» – личном самолете мистера Филана, честь полетать на котором Джошу была предоставлена лишь однажды. Это был самолет новейшей конструкции, стоивший тридцать пять миллионов, – любимая игрушка мистера Филана. Прошлым летом они летали на нем в Ниццу, где старик дефилировал по пляжу в голом виде, глаза на молодых француженок. Джош с женой, как и остальные американцы, не обнажались и принимали солнечные ванны у бассейна.

Когда стюардесса, накормив их завтраком, удалилась в кухонный отсек, они разложили бумаги на круглом столике. Впереди у них было четыре часа полета.

Заключение, подписанное докторами Фло, Зейделем и Тишеном, было длинным и многословным, отягощенным множеством повторов, но не оставляло и тени сомнения в том, что Трой находился в здравом уме и твердой памяти. Он блестяще отвечал на вопросы и отдавал себе полный отчет в том, что делал на пороге смерти.

Стэффорд с Дурбаном читали заключение, предвкушая удовольствие. Когда будет оглашено новое завещание, всех троих экспертов, разумеется, выгонят и призовут дюжину новых, которые постараются обнаружить промахи предшественников и сделать мрачные предположения относительно вменяемости Троя.

Что касается Рейчел Лейн – самой богатой в мире миссионерки, – то здесь мало что прояснилось, хотя детективы старались изо всех сил.

Согласно предварительным данным, выуженным из Интернета, ВОМП – Всемирная организация миссионеров, работающих в племенах – имела штаб-квартиру в Хьюстоне, штат Техас. Основанная в 1920 году, она насчитывала четыре тысячи миссионеров, рассеянных по всему миру и работавших исключительно с коренными племенами. Ее единственной задачей и целью было распространение христианского учения в самых отдаленных уголках света. Было очевидно, что свои религиозные воззрения Рейчел унаследовала не от отца.

В настоящее время миссионеры ВОМП несли свет христианства не менее чем двадцати восьми индейским племенам в Бразилии и десяти – в Боливии. Еще три тысячи человек работали в других регионах. Поскольку племена были изолированными и жили в самых отдаленных от современной цивилизации уголках, миссионеров обучали науке выживания в сложных условиях дикой природы, языкам малых народов и навыкам оказания медицинской помощи.

С огромным интересом Джош прочел рассказ миссионера, прошедшего семь лет в джунглях. Этот человек жил под односкатным навесом и старался выучить достаточно языков примитивных племен, чтобы иметь возможность общаться с ними. Поначалу, однако, никакого контакта с индейцами наладить не удавалось. Он был для них всего лишь белым человеком из Миссури, эдаким туристом, забредшим в их деревню и знавшим на их языке только «здрассте» да «спасибо». Если ему нужен был стол, он сам его мастерил. Был голоден – шел на охоту. Пять лет прошло, прежде чем индейцы стали ему доверять. Ему было хорошо за шестьдесят, когда он впервые обратился к ним со словом Божьим. Этого человека научили быть терпели-

вым, постепенно налаживать отношения, изучать язык и культуру индейцев и только потом не спеша – ни в коем случае не спеша – внедрять в них библейские истины.

С внешним миром у этого племени почти не было связи. За последнюю тысячу лет их жизнь мало изменилась.

Каким же должен быть человек, сколь глубока должна быть его вера и преданность церкви, чтобы он мог отказаться от благ цивилизации и погрузиться в другую историческую эпоху? Этот миссионер писал, что индейцы поверили ему только тогда, когда убедились, что он не собирается покидать их. Он решил остаться с ними навсегда, любил их и хотел стать одним из них.

Значит, Рейчел тоже жила в хижине или под навесом, спала на сооруженной собственными руками постели, готовила еду на костре, читала детям Библию, проповедовала Евангелие взрослым и ничего не знала о событиях, тревогах и проблемах современного мира, во всяком случае, они ее нисколько не волновали. Она наверняка была довольна своей жизнью. Вера поддерживала ее.

Вторгаться в такую жизнь казалось жестокостью.

Прочитав все это, Дурбан сказал:

– Мы можем никогда ее не найти. Там ведь нет ни телефонов, ни электричества; черт, чтобы добраться до этих людей, нужно пешком карабкаться через горы.

– У нас нет выбора, – ответил Джош.

– Мы уже связались с ВОМП?

– Свяжемся сегодня.

– И что ты скажешь?

– Не знаю. Не заявишь же им, что мы ищем одну из их миссионерок, потому что та унаследовала одиннадцать миллионов долларов.

– Это без вычета налогов.

– За вычетом тоже останется кругленькая сумма.

– Так что же им сказать?

– Мы скажем, что у нас как у юристов к ней неотложное дело. Абсолютно неотложное, и мы должны поговорить с ней лично.

Один из бортовых факсов начал передавать сообщения. Первое было от секретаря Джоша, со списком поступивших в контору сегодня утром звонков – почти все от поверенных в делах наследников Троя. Еще два – от репортеров.

В других факсах были результаты предварительных изысканий, проведенных сотрудниками Джоша по части законов Виргинии, имеющих касательство к делу. С каждой новой страницей, выползающей из факса, поспешно нацарапанное Троем завещание обретало все большую законную силу.

Стюардессы подали легкий ленч, состоявший из сандвичей и фруктов, и снова удалились на кухню, откуда показывались лишь тогда, когда кофейные чашки Джоша и Дурбана пустели.

В Джексон-Хоуле они приземлились в ясную погоду. Вдоль посадочной полосы громоздились сугробы. Спустившись по трапу и преодолев каких-нибудь восемьдесят футов, они пересели в «Сикорски-S-76С», любимый вертолет Троя, и через десять минут зависли над его обожаемым ранчо. Резкий ветер бросал вертолет из стороны в сторону. Дурбан побледнел. Явно нервничавший Джош медленно отодвинул дверцу, и ветер ударил ему в лицо.

Пока он высыпал прах из маленькой черной урны, пилот кружил над землей на высоте двух тысяч футов. Ветер мгновенно подхватил пепел и развеял его во всех направлениях, так что прах Троя исчез прежде, чем достиг заснеженной земли. Когда урна опустела, Джош втянул внутрь замерзшую руку и закрыл дверцу.

Дом Троя представлял собой бревенчатый коттедж, сложенный из массивных бревен. Он напоминал добротный деревенский дом. На остальных одиннадцати тысячах квадратных

футов не было ни единой постройки. Трой купил это ранчо у некоего актера, чья карьера пошла вкривь и вкось.

Дворецкий в вельветовом костюме принял у них багаж и принес кофе. Пока Джош звонил в свой офис, Дурбан с удовольствием разглядывал развешанные по стенам чучела животных. В камине потрескивал огонь. Повар пришел спросить, что приготовить на ужин.

Фамилия служащего была Монтгомери, мистер Стэффорд взял его на работу четыре года назад. Прежде чем найти офис Всемирной организации миссионеров, расположенный на первом этаже пятиэтажного здания, он успел три раза заблудиться в лабиринте хьюстонских улиц. Припарковав наконец взятую напрокат машину, он поправил галстук.

Монтгомери дважды предварительно разговаривал по телефону с мистером Триллом, и то, что он опоздал на целый час, похоже, не произвело неблагоприятного впечатления. Мистер Трилл встретил его вежливо и был очень доброжелателен. После обмена обычными любезностями Трилл спросил:

– Чем могу быть полезен?

– Мне нужна информация об одной из ваших миссионерок, – ответил Монтгомери.

Трилл молча кивнул.

– О Рейчел Лейн, – уточнил Монтгомери.

Трилл закрыл глаза, словно пытаясь вспомнить, о ком идет речь.

– Это имя мне ни о чем не говорит. Но с другой стороны, у нас по всему миру работают четыре тысячи человек.

– Она работает где-то на бразильско-боливийской границе.

– Что вам о ней известно?

– Не много. Но нам необходимо ее разыскать.

– С какой целью?

– Это связано с исполнением закона, – ответил Монтгомери, чуть запнувшись, чтобы слова прозвучали загадочно.

Трилл нахмурился и скрестил руки на груди. Улыбка исчезла с его лица.

– У нее неприятности?

– Нет. Но дело не терпит отлагательств. Нам нужно с ней повидаться.

– А можно отправить ей письмо или бандероль?

– Боюсь, что нет. Необходимо ее присутствие, а также ее подпись.

– Полагаю, дело конфиденциальное?

– Чрезвычайно.

Что-то щелкнуло в голове мистера Трилла, и вид у него стал менее хмурый.

– Вы позволите мне отлучиться на минуту? – Покинув кабинет, он оставил Монтгомери обозревать спартанскую обстановку. Единственным украшением помещения были увеличенные фотопортреты индейских детей на стенах.

Когда Трилл вернулся, это был уже совсем другой человек – жесткий, неулыбчивый и не расположенный к продолжению беседы.

– Мне очень жаль, мистер Монтгомери, – сказал он не садясь, – однако мы не сможем вам помочь.

– Скажите хоть, она в Бразилии?

– Прошу прощения.

– Или в Боливии?

– Прошу прощения.

– Она вообще-то хотя бы существует?

– Не могу ответить на ваши вопросы.

– Ничего?

- Ничего.
- Могу ли я поговорить с вашим шефом или начальником?
- Разумеется.
- Где его найти?
- На небесах.

Съев на ужин по толстому бифштексу в грибном соусе, Джош Стэффорд и Тим Дурбан вернулись в гостиную, где потрескивал камин и куда им подали виски.

– У меня есть идея, – сказал Джош, глядя на огонь. – Ведь нам нужно послать кого-нибудь на поиски Рейчел Лейн, так?

Тип, глубоко затянувшись сигарой, молча кивнул.

– И это должен быть юрист, который сможет дать ей все необходимые разъяснения. В целях сохранения конфиденциальности целесообразно послать юриста из нашей фирмы.

Тип, набрав полный рот дыма, снова кивнул.

– Сколько времени это займет? – спросил он.

– Не знаю, но коротким путешествие определенно не будет. Бразилия – большая страна, она простирается до сорок восьмой южной параллели и покрыта джунглями и горами. Эти люди живут в таком медвежьем углу, что никогда не видели даже автомобиля.

– Я не поеду.

– Можно нанять местных проводников, но и в этом случае на дорогу уйдет не меньше недели.

– А каннибалов там нет?

– Нет.

– А анаконд?

– Расслабься, Тип. Ты никуда не поедешь.

– Спасибо.

– Но ты понимаешь, в чем проблема? У нас работают шестьдесят юристов, и все завалены работой. Ни один из нас не может все бросить и отправиться на поиски этой женщины.

– Пошли кого-нибудь из среднего персонала.

Джошу идея не понравилась. Слушая, как гудит в камине пламя, он отпил виски и, затянувшись сигарой, медленно выпустил дым.

– Это должен быть дипломированный юрист, – сказал он, словно размышляя вслух.

Вернулся дворецкий, чтобы снова наполнить стаканы, поинтересовался, не подать ли десерт и кофе, но гости отказались.

– Как насчет Нейта? – спросил Джош, когда они снова остались одни.

Стало очевидно, что Джош с самого начала думал именно о Нейте, и это вызвало у Типа легкое раздражение.

– Ты шутишь? – спросил он.

– Нет.

Они немного покрутили идею послать в джунгли Нейта, одно за другим отменяя высказываемые поочередно возражения и опасения. В течение двадцати трех лет Нейт О'Рейли был одним из партнеров фирмы. В настоящее время пребывал в реабилитационной клинике в Блу-Ридж-Маунтинз, к западу от Ди-Си. В последние десять лет он частенько гостил там. Каждый раз, приходя в себя, Нейт отказывался от вредных привычек, загорал, совершенствовался в теннисном мастерстве и давал клятву покончить с порочными пристрастиями раз и навсегда. Но сколько ни клялся, что «это в последний раз», что он больше никогда не спустится в преисподнюю, каждый следующий его срыв оказывался еще более сокрушительным. И вот в возрасте сорока восьми лет он оказался окончательно сломленным, дважды разведенным и находился под судом за уклонение от уплаты налогов. Будущее его представлялось плачевным.

– Он ведь когда-то был неплохим спортсменом, не так ли? – припомнил Тип.

– О да! Ныряние с аквалангом, альпинизм – он обожал эти безумства. А потом начал скатываться и уже ничем, кроме работы, не занимался.

Скатываться О’Рейли начал лет в тридцать пять, в то самое время, когда ему удалось успешно провести целую серию дел о преступной врачебной халатности. Это были очень громкие дела. Нейт О’Рейли стал звездой, заполучить его в адвокаты мечтал каждый, кто хотел возбудить дело против врачей, по вине которых пострадал. Именно в это время Нейт начал сильно пить и баловаться кокаином. Он забросил семью и пристрастился к дурным привычкам – громким делам, алкоголю и наркотикам. Каким-то образом ему довольно долго удавалось ходить по лезвию ножа, но угроза катастрофы постоянно висела над ним. Потом он проиграл дело и впервые сорвался. Фирма прятала его в частной лечебнице, пока он не вышел из запоя, и Нейт триумфально вернулся к работе. Но срыв оказался лишь первым из множества.

– Когда он выходит? – спросил Тип, которого все меньше шокировала эта идея. Напротив, теперь она ему почти нравилась.

– Скоро.

Нейт стал закоренелым алкоголиком. Он мог держаться месяцами, даже годами, но рано или поздно все равно срывался. Лекарства разрушали его мозг и тело. Он стал странно вести себя, слухи о его безумствах расползлись по фирме, а потом стали предметом сплетен и во всей юридической среде.

Около четырех месяцев назад Нейт заперся в номере мотеля с бутылкой рома и кучей таблеток. Многие коллеги усмотрели в этом попытку самоубийства.

Джош в четвертый раз за последние десять лет сдал его в клинику.

– Ему это может быть даже полезно, – предположил Тип. – Я имею в виду – немного проветриться.

Глава 7

На третий день после самоубийства мистера Филана Хэрк Геттис прибыл к себе в контору на рассвете. Он чувствовал себя усталым, но с нетерпением ожидал начала рабочего дня. Они с Рексом Филаном допоздна засиделись за ужином, потом еще часа два провели в баре, размышляя над тем, что может быть в завещании, и выстраивая стратегию действий. Так что глаза у Геттиса были красными, болела голова, и он решительно направился к кофейнику.

Ставки Хэрка постоянно менялись. В прошлом году он вел запутанное бракоразводное дело всего за двести долларов в час. Перспективным клиентам назначал цену в три с половиной сотни, что было маловато для амбициозного юриста округа Колумбия, но, отталкиваясь от этой начальной цифры, он мог раздуть счет, доведя его до требуемой суммы. Некая индонезийская цементная фирма за куда менее сложное дело пообещала ему заплатить по четыреста пятьдесят долларов в час, а когда пришло время рассчитываться, попыталась надуть. Зато, уладив дело о сомнительной смерти, Хэрк получил треть от трехсот с половиной тысяч долларов. Так что, когда речь шла о гонорарах, он всегда был начеку.

Хэрк был судебным адвокатом в фирме, где работали сорок человек, разбитых на несколько команд, которые интриговали друг против друга, что мешало фирме развиваться. Он мечтал открыть собственную контору. Чуть ли не половина его годового заработка уходила на накладные расходы, в то время как, по его мнению, эти деньги должны были оставаться у него в кармане.

В какой-то момент минувшей бессонной ночи он решил поднять свою ставку до пятисот долларов в час и задним числом ввести ее с прошлой недели. В последние шесть дней он не занимался ничем, кроме дела Филана, а теперь, когда старик умер, его безумные родственники стали мечтой любого адвоката.

Больше всего на свете Хэрк желал сейчас опротестования завещания и долгой яростной борьбы с сонмами адвокатов. Судебный процесс был бы потрясающим – настоящая битва стон, занимающих непримиримые позиции. И Хэрк оказался бы в самом ее центре. Было бы замечательно победить в этой борьбе, но и проигрыш не стал бы катастрофой. Геттис в любом случае сделал бы себе состояние и стяжал славу, а именно в этом и заключается смысл современной адвокатуры.

Пятисот долларов в час, шестьдесят часов в неделю, пятьдесят недель в году – итого: полтора миллиона долларов, таков будет годовой доход Хэрка. Накладные расходы по организации собственной фирмы – аренда помещения, зарплата секретарей и среднего персонала – составят от силы полмиллиона. Таким образом, у Хэрка останется миллион долларов чистыми, и он сможет уйти из этой паршивой конторы и открыть на этой же улице свою собственную.

Решено. Хэрк отпил кофе и мысленно распрощался со своим заваленным бумагами кабинетом. Он возьмет дело Филана и, может быть, еще парочку, прихватит с собой секретаря и помощника, и сделать это надо быстро, пока контора не наложит лапу на филановские гонорары.

Сидя за столом с бьющимся от предвкушения рискованного предприятия сердцем, он стал обдумывать различные варианты объявления войны Джошу Стэффорду. Причины для беспокойства, несомненно, существовали. Стэффорд не желал оглашать завещание. Учитывая самоубийство своего клиента, он упорно собирал подтверждения законности документа. Хэрк был ошарашен тем, что после самоубийства Филана Стэффорд мгновенно изменил тон. Сейчас его не было в городе, он не отвечал на звонки.

О, как не терпелось Хэрку ввязаться в бой!

В девять он встретился с Либбигайл Филан-Джетер и Мэри-Роуз Филан-Джекмен, дочерьми Троя от первого брака. Эту встречу, по настоянию Хэрка, организовал Рекс. Хотя у

обеих женщин в настоящее время были свои адвокаты, Хэрк хотел заполучить этих клиенток. Больше клиентов – больше возможностей оказывать нажим при торгах за столом переговоров, а также в суде. Кроме того, это означало бы, что каждый из них будет платить ему по пятьсот долларов в час за одну и ту же работу.

Встреча его разочаровала: ни одна из женщин не оказала ему доверия, поскольку ни одна не доверяла своему брату Рексу. У Ти Джея было три собственных адвоката, еще один работал на их мать. Зачем объединять усилия, если остальные этого не делают? Когда на кон поставлены такие деньги, не лучше ли каждому иметь собственного адвоката?

Хэрк напирал, но почти ничего не добился. Поначалу он очень расстроился, но позднее лишь укрепился в намерении как можно скорее расстаться со своей нынешней фирмой. Он чувствовал запах денег.

Либбигайл Филан-Джетер была непокорным ребенком, она не любила свою мать Лилиан и страстно жаждала покровительства отца, которого, впрочем, почти никогда не было дома. Когда ей было девять, родители разошлись.

В четырнадцать лет Лилиан отослала ее в школу-пансион. Трой не одобрял таких школ – будто он что-то смыслил в воспитании детей! – и когда Либбигайл училась в старших классах, даже предпринял удивившую всех попытку наладить с ней отношения. Часто говорил, что она – его любимица. Либбигайл и впрямь была самой блестящей из его детей.

Но Трой не приехал на ее выпускной вечер, он забыл даже прислать подарок. Тем летом, перед поступлением в колледж, Либбигайл очень хотелось насолить ему, и она отправилась в Беркли якобы изучать средневековую ирландскую поэзию, но на самом деле собиралась посвящать учебе совсем немного времени. Трой очень не нравилась ее идея учиться в Калифорнии, особенно в таком радикально настроенном университете. Вьетнамская война подходила к концу. Студенты одержали победу, и пришло время праздновать ее.

Либбигайл охотно окунулась в атмосферу наркотиков и свободной любви. Она жила в трехэтажном доме вместе с группой студентов разных рас, полов и сексуальных ориентаций. Комбинации менялись еженедельно, никаких правил, никакой организации не существовало. С деньгами проблем не было, поскольку большинство студентов принадлежали к состоятельным семьям. О Либбигайл знали лишь то, что она – дочка какого-то богача из Коннектикута. В те времена состояние Троя составляло примерно сто миллионов.

Будучи авантюристкой по натуре, Либбигайл попробовала все наркотики, пока не подселла на героин. Ее поставщиком был джазовый ударник по имени Тино, который каким-то образом тоже оказался членом студенческой коммуны. Тино было под сорок, когда-то, в Мемфисе, его выгнали из старших классов, и никто не знал, каким образом он стал одним из них. Да никто этим и не интересовался.

К своему совершеннолетию Либбигайл удалось привести себя в божеский вид. Для всех детей Филана двадцать первый день рождения был особенным, ибо в этот день старик жаловал каждому свой Подарок. Трой не был сторонником опеки, когда речь шла о детях. Если к двадцати одному году они не обрели устойчивого положения в жизни, какой смысл возиться с ними? Доверительная собственность требует попечителей и адвокатов, означает постоянные сражения с бенефициариями, которые бесятся, оттого что бухгалтеры скаречничают. Нужно дать им живые деньги, решил Трой, и пусть либо тонут, либо выплывают.

Большинство Филанов очень быстро потонули.

Трой пропустил день рождения Либбигайл. Он ездил куда-то в Азию по делам. В то время он уже давно был женат на Джейни. Роки и Джина были маленькими, и Трой утратил всякий интерес к первой семье.

Либбигайл не огорчилась. Адвокаты подписали все необходимые для передачи Подарка документы, и она на неделю закатилась с Тино в какой-то манхэттенский отель, где они одурели от наркотиков.

Денег ей хватило почти на пять лет, в течение которых она успела дважды выйти замуж, сменить множество сожителей, два раза попасть под арест, трижды подолгу отсидеться в наркологических лечебницах, а также пережить автокатастрофу, которая чуть не стоила ей левой ноги.

Ее нынешним мужем был бывший байкер, с которым она познакомилась в лечебнице. Он весил триста двадцать фунтов, имел седую курчавую бороду, доходившую до груди, откликался на имя Спайк и в конце концов превратился во вполне добропорядочного господина. В мастерской позади их скромного дома в Лютервилле – пригороде Балтимора – он мастерил шкафы.

Адвокатом Либбигайл был третий калач по имени Уолли Брайт. К нему-то она и направилась из кабинета Хэрка и подробно пересказала все, что тот говорил. Уолли не терял времени зря – он проворачивал бракоразводные дела даже в автобусах, курсирующих по округе. Один из разводов Либбигайл тоже вел он, а потом ему пришлось ждать около года, пока она ему заплатит. Но по отношению к ней Уолли проявил терпимость. В конце концов, она была представительницей семейства Филан и должна была когда-нибудь принести ему баснословные гонорары, которыми, если признаться честно, он не знал, как распорядиться.

В ее присутствии Уолли позвонил Хэрку Геттису и затеял телефонную склоку, которая продолжалась минут пятнадцать. Он, притопывая, плясал вокруг своего письменного стола, размахивал руками и выкрикивал оскорбления. «Я убью вас за свою клиентку!» – в какой-то момент завопил он, что произвело сильное впечатление на Либбигайл.

Закончив, Уолли ласково проводил ее до двери, поцеловал в щечку, погладил по волосам, похлопал по руке – словом, всячески суетился. Это было именно то, о чем она мечтала всю жизнь. Либбигайл не была дурнушкой; разве что чуть полновата и со следами разгульной жизни на лице, но Уолли и не таких видывал. Ему доводилось спать с гораздо худшими экземплярами. И если бы подвернулся удобный случай, он готов был сделать нужный шаг.

Глава 8

Проснувшись от звуков волнующей мелодии Шопена, доносившейся сквозь стену, Нейт увидел, что невысокая гора, видневшаяся из его окна, покрыта ковром свежеснеженного снега. На прошлой неделе его будил Моцарт. Кто был на позапрошлой, он не мог припомнить. Не так давно он слушал и Вивальди. Но вообще-то все тонуло у него в голове в каком-то тумане.

Как и каждое утро в течение последних четырех месяцев, Нейт подошел к окну и посмотрел на долину Шенандоа, простиравшуюся внизу. Она тоже была белым-бела, и Нейт вспомнил, что скоро Рождество.

К Рождеству он выйдет отсюда. Врачи и Джош Стэффорд обещали ему это. При мысли о Рождестве ему стало грустно. В недалеком прошлом – когда дети были маленькими и жизнь текла своим чередом – этот праздник бывал приятным. Но детей больше нет – они либо выросли, либо их забрали матери, – и теперь Нейту меньше всего на свете хотелось встречать Рождество в баре вместе с другими несчастными пьяницами, орущими рождественские гимны и притворяющимися, что им весело.

Долина была белой и неподвижной, лишь вдалеке, словно муравьи, двигались немногочисленные машины.

Предполагалось, что каждое утро десять минут он посвящает медитации – молится или выполняет упражнения по системе йогов, которым его пытались обучить здесь, в Уолнат-Хилле. Однако Нейт сделал лишь несколько приседаний, а затем отправился плавать.

На завтрак был черный кофе с булочкой, который он пил в обществе Серхио – советника, терапевта и гуру в одном лице. За прошедшие четыре месяца Серхио стал ему и другом. Он знал о никчемной жизни Нейта О'Рейли все.

– У тебя сегодня будет гость, – сказал Серхио.

– Кто?

– Мистер Стэффорд.

– Прекрасно. – Нейт приветствовал любые контакты с внешним миром, прежде всего потому, что они были очень ограничены. Джош навещал его раз в месяц. Еще двум приятелям из фирмы приходилось проделывать трехчасовой путь на машине из округа Колумбия, чтобы встретиться с ним. Они были очень занятыми людьми, и Нейт ценил их внимание.

Смотреть телевизор в Уолнат-Хилле запрещалось из-за рекламы пива, а также потому, что во множестве фильмов и шоу выпивка и даже наркотики едва ли не прославлялись. По той же причине сюда не поступало большинство популярных журналов. Но Нейту это было безразлично. После четырех месяцев пребывания в клинике его не волновало, что происходит в Капитолии, на Уолл-стрит или на Ближнем Востоке.

– Когда? – спросил он.

– Ближе к полудню.

– После моей тренировки?

– Разумеется.

Тренировке помешать не могло ничто. Это была двухчасовая эпопея, в течение которой он истекал потом, кричал и выпускал дикие крики под руководством своего персонального тренера – садистки с пронзительным голосом, которую Нейт втайне обожал.

Прежде чем появился Джош, он успел отдохнуть в своем люксе, пожевать кроваво-красный апельсин и еще раз полюбоваться заснеженной долиной.

– Выглядишь отлично, – сказал Джош. – На сколько ты похудел?

– На четырнадцать фунтов, – ответил Нейт, хлопывая себя по упругому плоскому животу.

– Строен, как молодой олень. Может, и мне стоило бы тут полечиться?

– Очень рекомендую. Еда здесь полностью обезжиренная и лишенная вкуса, ее готовит шеф-повар с каким-то акцентом. Порция занимает полблюдца: пару раз жевнул – и конец. Обед и ужин длятся минут семь, если жевать медленно.

– А ты, конечно, ожидал, что за тысячу долларов в день тебя будут кормить на убой.

– Джош, ты не принес какого-нибудь печенья или чего-нибудь в этом роде? Каких-нибудь чипсов? Наверняка припрятал что-нибудь в портфеле.

– Извини, Нейт. Я чист.

– И даже никаких карамелек?

– Извини.

Нейт съел дольку апельсина. Они сидели рядом, любясь видом из окна. Тянулись минуты.

– Как ты? – спросил Джош.

– Джош, мне нужно вырваться отсюда. Я становлюсь роботом.

– Твой врач говорит, что надо подождать еще недельку.

– Хорошо. А что потом?

– Посмотрим.

– Что это значит?

– Это значит – посмотрим.

– Ну ладно, Джош, раскалывайся.

– Подождем и посмотрим, что будет.

– Джош, я смогу вернуться на фирму? Замолви за меня словечко.

– Не торопи события, Нейт. У тебя есть враги.

– У кого их нет? Но, черт возьми, это же твоя фирма! Твое слово там решающее.

– У тебя еще есть проблемы.

– У меня миллионы проблем, но ты не можешь выкинуть меня на улицу.

– Ну, с банкротством мы справимся. А вот обвинительный акт – это не так просто.

Да уж, непросто, от этого Нейт не мог отмахнуться. С девяносто второго по девяносто пятый год он не задекларировал около шестидесяти тысяч долларов побочных доходов.

О’Рейли швырнул апельсиновую кожуру в мусорную корзину и спросил:

– И что же я должен делать? Днями напролет сидеть дома?

– Если повезет.

– Что ты хочешь этим сказать?

Джошу приходилось проявлять деликатность. Его друг только-только выплыл из черной дыры. Потрясений и сюрпризов следовало избегать.

– Ты считаешь, меня могут упечь в тюрьму? – спросил Нейт.

– Трой Филан умер, – вместо ответа сообщил Джош.

Нейту понадобилось несколько секунд, чтобы переключиться.

– А, мистер Филан... – сказал он.

У Нейта в фирме было свое маленькое крыло. Оно находилось в дальнем конце длинного коридора на шестом этаже. Там он вместе с еще одним адвокатом, тремя помощниками и секретарями занимался возбужденными делами против недобросовестных врачей, и до других отделов фирмы им не было дела. Нейт, разумеется, знал, кто такой Трой Филан, но юридические проблемы миллиардера никогда его не касались.

– Очень жаль, – добавил он.

– Значит, ты не слышал?

– Я здесь ничего не слышу. Когда он умер?

– Четыре дня назад. Спрыгнул с балкона.

– Без парашюта?

– Именно!

– Он не умел летать?

– Нет. И не пытался. Это произошло у меня на глазах. Он подписал два завещания: первое – подготовленное мной, второе и последнее – написанное от руки им самим. После чего рванул к балкону и прыгнул.

– Ты сам это видел?

– Угу.

– Вот это да! Должно быть, парень был не в себе. – В голосе Нейта прозвучала ироническая нотка. Четыре месяца назад горничная мотеля нашла его самого без чувств, когда он набил живот таблетками, растворенными в роме.

– Он оставил все своей незаконной дочери, о которой я в жизни не слышал.

– Она замужем? Хорошенькая?

– Я хочу, чтобы ты ее нашел.

– Я?!

– Да.

– А что, она пропала?

– Мы не знаем, где она.

– А сколько он...

– Около одиннадцати миллиардов долларов без вычета налогов.

– Она это знает?

– Нет. Она не знает даже, что он умер.

– Но по крайней мере то, что он ее отец, ей известно?

– Не могу тебе этого сказать.

– И где же она?

– Предполагается, что в Бразилии. Она миссионерка, работает в каком-то индейском племени.

Нейт встал и принялся рассказывать по комнате.

– Когда-то я провел там неделю, – вспомнил он. – Я тогда учился в колледже или уже в юридической академии. Было время карнавала: обнаженные девицы танцевали на улицах Рио, повсюду оркестры играли самбу, ночи напролет на улицах веселились тысячи людей. – Его голос слегка дрогнул при воспоминании о прошлом.

– Ты поедешь не на карнавал.

– Да уж. Не сомневаюсь. Хочешь кофе?

– Да. Черного.

Нейт нажал кнопку на стене и в микрофон переговорного устройства попросил принести кофе. За тысячу долларов в день здесь предоставлялось обслуживание в номерах.

– Сколько мне понадобится времени? – спросил Нейт, снова усаживаясь перед окном.

– Трудно сказать, но думаю, дней десять. Спешки нет, а найти наследницу Филана наверняка будет трудно.

– В какой части страны она находится?

– На западе, возле боливийской границы. Организация, в которой она служит, занимается тем, что посылает людей в джунгли, где они должны нести слово Божие индейцам, живущим в каменном веке. Мы провели предварительное расследование. Похоже, для этих ребят дело чести и гордости – найти самый дикий угол на земле.

– Значит, ты хочешь, чтобы я определил это место в джунглях, потом занялся поисками нужного индейского племени, затем каким-то образом убедил индейцев, что я – дружественный адвокат из Соединенных Штатов и они должны помочь мне найти женщину, которая – не исключено – вовсе не хочет, чтобы ее нашли?

– Нечто в этом роде.

– Это может быть забавно.

– Воспринимай мое задание как приключение.

– Таким образом меня можно будет держать подальше от офиса, так ведь, Джош? В этом все дело? Отвлекающий маневр, пока ты будешь улаживать дела?

– Кто-то ведь должен туда отправиться, Нейт! Адвокат из нашей фирмы обязан встретиться с этой женщиной лично, показать ей копию завещания, растолковать все детали и выяснить, что она собирается предпринять. Ни бразильский адвокат, ни кто-либо из среднего персонала нашей фирмы этого сделать не сможет.

– Но почему именно я?

– Потому что все остальные завалены работой. Ты же знаешь нашу текучку, сам тянул эту лямку больше двадцати лет. Вся жизнь – в офисе, обед – в суде, сон – в поезде. А кроме всего прочего, это может оказаться полезным для тебя самого.

– Джош, ты пытаешься меня убрать из города? Если так, то зря тратишь время. Я завязал и абсолютно чист. Больше никаких баров, никаких вечеринок, никаких поставщиков. Я чист, Джош. И это уже навсегда.

Джош кивнул. Он надеялся, что это действительно так, но ведь Нейт бывал в клинике и прежде.

– Я тебе верю, – сказал Стэффорд, ему действительно очень хотелось верить.

Официант постучал и внес кофе на серебряном подносе.

Помолчав немного, Нейт спросил:

– А как же с моим обвинительным актом? Я ведь не имею права покидать страну, пока дело не закончено.

– Я говорил с судьей, втолковал ему, что дело наше – абсолютно неотложное. Он сказал, что ты должен вернуться через три месяца.

– Он как, ничего?

– Он – просто Санта-Клаус.

– Значит, ты думаешь, он даст мне улизнуть?

– У нас еще почти год в запасе. Давай не будем волноваться раньше времени.

Нейт сидел у маленького столика, склонившись над своим кофе, и, глядя в чашку, обдумывал предложение Стэффорда. Джош сидел напротив и по-прежнему смотрел вдаль.

– А что, если я отвечу «нет»? – спросил наконец Нейт.

Джош пожал плечами, словно это не имело никакого значения:

– Ничего страшного. Найдем кого-нибудь другого. Но ты подумай об этом как об отпуске. Ты ведь не боишься джунглей, правда?

– Разумеется, нет.

– Тогда поезжай, развлекись немного.

– Когда ехать?

– Через неделю. Для поездки в Бразилию нужна виза, но мы потянем кое за какие ниточки. Кроме того, тебе и здесь нужно подбить бабки.

В клинике Уолнат-Хилла перед выпиской пациент должен был пройти недельный адаптационный период. В ходе лечения пациента накачивали лекарствами, полностью очищали его организм, промывали мозги и приводили в должную эмоциональную, интеллектуальную и физическую форму. Последнюю неделю перед выпиской его готовили к возвращению в нормальную жизнь.

– Неделя... – повторил Нейт, размышляя о чем-то своем.

– Да, около недели.

– И поездка займет еще десять дней.

– Я так предполагаю.

– Значит, праздник я проведу там.

– Похоже на то.

- Это замечательная идея.
- Ты не хочешь праздновать Рождество?
- Да.
- А как же твои дети?

Их у Нейта было четверо, по двое от каждой жены. Один учился в выпускном классе, еще один – в колледже, двое – в средней школе.

Он помешал кофе маленькой ложечкой и сказал:

– Ни слова, Джош. Почти четыре месяца я здесь, и ни слова ни от одного из них. – В его голосе послышалась боль, плечи вздрогнули. На миг он показался печальным и ранимым.

– Мне очень жаль, – сказал Джош.

У Джоша, конечно, были контакты с родными Нейта. Адвокаты обеих жен звонили, чтобы разнюхать насчет денег. Старший сын Нейта заканчивал Нортвестерн, и ему нужны были деньги на продолжение учебы. Он сам позвонил Джошу, но не для того, чтобы узнать о здоровье отца, а для того, чтобы выяснить, каковы его дивиденды по акциям фирмы за прошлый год. Парень говорил вызывающе, грубо, и Джош в конце концов вспылал.

– Мне хотелось бы избежать всех этих рождественских вечеринок и поздравлений, – сказал Нейт, взяв себя в руки.

- Значит, ты поедешь?
- Там протекает Амазонка?
- Нет, это Пантанал – самая обширная на земле болотистая равнина.
- Пирании, анаконды, аллигаторы?
- Разумеется.
- Каннибалы?
- Не больше, чем в округе Колумбия.
- Я серьезно.

– Не думаю. За одиннадцать лет, по моим сведениям, ВОМП не потеряла ни одного своего миссионера.

– А как насчет адвокатов?

– Уверен, что дикари с удовольствием полакомятся филе из одного из них. Ну же, Нейт! К чему долгие размышления? Не будь я так занят, сам бы с удовольствием прокатился. Пантанал – величайший экологически чистый заповедник.

– Никогда о нем не слышал.

– Это потому, что ты уже много лет не путешествовал. Закрылся у себя в кабинете и никуда не выходил из него.

– Если не считать лечебницы.

– Устрой себе каникулы. Посмотри мир, места, где ты никогда не бывал.

Нейт сделал несколько глотков и перевел разговор на другую тему:

– А что будет, когда я вернусь? Мой кабинет останется за мной? Я все еще партнер фирмы?

– А ты этого хочешь?

– Разумеется, – ответил Нейт после небольшой паузы.

– Ты уверен?

– А на что еще я способен?

– Не знаю, Нейт, но за последние десять лет ты четвертый раз попал в клинику. И срывы становятся все более сокрушительными. Если бы ты вышел отсюда сейчас, то отправился бы прямо в контору и на следующие полгода снова стал грозой преступно халатных врачей. Ты бы сторонился старых друзей, баров, соседей. Ничего, кроме работы, работы, работы. Очень скоро ты бы успешно провел пару громких дел, виртуозно выступил бы в суде – и так до определенной черты. Через год где-нибудь все равно обнаружилась бы трещина. Тебя нашел бы

кто-нибудь из прежних дружков, какая-нибудь девица из прошлой жизни. Или неудачно подобранное жюри вынесло бы оправдательный приговор какому-нибудь врачу-преступнику. Я бы, как всегда, наблюдал за каждым твоим движением, но все равно не смог бы заметить, когда начнется падение.

– Больше никаких падений, Джош. Клянусь.

– Я слышал это от тебя и раньше. Хочу тебе верить. Но что, если демоны снова тебя настигнут, Нейт? В прошлый раз ты едва не умер.

– Больше срывов не будет.

– Следующий станет последним, Нейт. Мы устроим похороны, попрощаемся с тобой и будем наблюдать, как тебя опускают в землю. Я не хочу, чтобы это случилось.

– Этого не случится, клянусь.

– Тогда забудь о конторе. Там слишком много стрессов.

Что больше всего ненавидел Нейт в лечебнице, так это долгие периоды молчания, медитации, как называл их Серхио. Пациентам предписывалось, словно йогам, сидеть на корточках в полутьме с закрытыми глазами и искать мира в душе. Нейт, конечно, мог все это проделывать, однако и закрыв глаза видел, как выступает в суде, сражается с Налоговым управлением США, строит козни своим бывшим женам. Но что самое ужасное, он не был уверен в собственном будущем. Этот разговор с Джошем он проигрывал в уме сотни раз, молниеносно парируя все его доводы.

Но сейчас на ум не приходила ни одна из заготовленных остроумных реплик. Почти четырехмесячное одиночество притупило его реакцию. Он дошел до того, что выглядел жалким, вот и все.

– Нет, Джош, ты не можешь выгнать меня.

– Нейт, ты выступал в суде более двадцати лет. Это перебор. Пора переключиться на что-нибудь другое.

– Ну тогда я стану лоббистом, буду обедать с пресс-секретарями тысячи мелких конгрессменов.

– Мы найдем тебе занятие поинтереснее. Но оно будет вне зала суда.

– Повар из меня получится не слишком умелый. Я хочу выступать в суде.

– Отвечаю: нет. Ты можешь оставаться в фирме, зарабатывать кучу денег, следить за здоровьем, играть в гольф, и жизнь будет хороша при условии, что Налоговое управление не упрячет тебя за решетку.

На несколько счастливых минут Нейту удалось забыть о Налоговом управлении – и вот опять. Нейт сел, выдавил маленький пакетик меда в остывший кофе – сахар и его заменители запрещались в таком здоровом месте, как Уолнат-Хилл.

– Пара недель в бразильских болотах начинают казаться заманчивой перспективой, – признал он.

– Значит, поедешь?

– Да.

Поскольку у Нейта была масса времени для чтения, Джош оставил ему толстую папку документов, касающихся состояния Филана и его таинственной наследницы, а также две книги об индейцах, живущих в отдаленных уголках Южной Америки.

Нейт читал восемь часов подряд, даже пропустил ужин. Ему вдруг страстно захотелось поехать туда, ведь это действительно будет настоящее приключение. Когда в десять часов к нему зашел Серхио, он, погрузившись в какой-то иной мир, сидел на постели, словно буддийский монах, скрестив ноги. Рядом были разбросаны бумаги.

– Пора мне уходить отсюда, – сказал Нейт.

– Да, пора, – согласился Серхио. – Завтра начну оформлять документы.

Глава 9

Напряжение росло по мере того, как наследники Филана все меньше общались друг с другом и все больше времени проводили в кабинетах своих адвокатов. Прошла неделя, а завещание не огласили и не было видно никаких перспектив его утверждения. Богатство маячило перед глазами, но в руки не давалось, отчего все бесились еще сильнее. Нескольких адвокатов выгнали, но наняли еще больше.

Мэри-Роуз Филан-Джекмен уволила своего потому, что он запрашивал недостаточно высокий гонорар. Ее муж, известный хирург-ортопед, имел множество деловых интересов и ежедневно общался с адвокатами. Их новым поверенным стал человек – шаровая молния по имени Грит, который за шестьсот долларов в час устроил шумное представление из своего вступления в схватку.

В предвкушении богатства наследники продолжали обрастать огромными долгами. Подписывались контракты на роскошное жилье. Приобретались новые шикарные автомобили. Нанимались консультанты для составления невероятных проектов вроде строительства закрытого стадиона для игры в поло, покупки реактивных самолетов или породистых лошадей. Все свободное от междоусобных распрей время посвящалось покупкам. Исключение составлял Рэмбл, но только потому, что был еще мал. Он предоставил все своему адвокату, который, разумеется, делал долги за своего клиента. Снежный ком судебных тяжб зачастую начинает расти еще на пути к залу суда. Поскольку Джош Стэффорд отказывался огласить завещание и в то же время делал загадочные намеки по поводу неполной дееспособности Троя в момент его подписания, адвокаты наследников Филана в конце концов запаниковали.

Через десять дней после самоубийства Троя Хэрк Геттис отправился в окружной суд Фэрфакса, штат Виргиния, и подал петицию о том, чтобы обязать Стэффорда обнародовать последнюю волю Троя Л. Филана. С ловкостью, присущей амбициозным адвокатам, он подкупил репортера из газеты «Пост». После подачи петиции он проговорил с журналистом целый час, кое-какие комментарии Хэрк сделал «не для печати», кое-какие были призваны представить самого адвоката в наилучшем свете. Фотокорреспондент нащелкал несколько снимков.

Как ни странно, Хэрк подал петицию как бы от имени всех наследников Филана, перечислив их имена и адреса, словно все они были его клиентами. Вернувшись в офис, он отправил им копии по факсу. Уже через минуту все его телефонные линии раскались добела.

Статья в «Пост» появилась на следующее утро вместе с большой фотографией Хэрка, который, нахмурившись, поглаживал бороду. Статья была даже больше, чем он рассчитывал. Он прочел ее на рассвете в кафе, после чего спешно поехал в новый офис.

Через несколько часов, сразу после девяти, окружной суд Фэрфакса просто кишел адвокатами. Они прибывали маленькими сплоченными группками, разговаривали с чиновниками скупыми фразами и старательно не замечали друг друга. Их петиции, несмотря на мелкие различия, в сущности, сводились к одному требованию: вынести официальное решение без промедления дать возможность наследникам ознакомиться с завещанием.

Дела о признании завещаний в суде округа Фэрфакс обычно поручались какому-нибудь из двенадцати судей. Дело Филана легло на стол его чести Ф. Парра Уиклиффа, тридцатипятилетнего юриста с недостатком опыта, но большими амбициями. Возможность заняться столь громким делом приятно возбуждала его.

Кабинет Уиклиффа находился в здании фэрфакского суда. Все утро он знакомился с заявлениями. Его секретарь собирал петиции и зачитывал их судье.

Когда поднятая всей этой суетой пыль немного улеглась, Уиклифф позвонил Джошу Стэффорду, чтобы представиться. Они вежливо побеседовали несколько минут – обычные, ни

к чему не обязывающие фразы. Более существенный разговор был впереди. Джош никогда не слышал о судье Уиклиффе.

– Завещание существует? – спросил наконец тот.

– Да, ваша честь. Завещание существует. – Джош очень тщательно подбирал слова. Скрывать наличие завещания по виргинским законам – преступление. Если судья хочет знать, Джош, разумеется, ответит.

– Где оно?

– Здесь, в моем офисе.

– Кто исполнитель?

– Я.

– Когда вы собираетесь вынести его на утверждение?

– Мой клиент распорядился дождаться пятнадцатого января.

– Гм-м... Есть какая-то особая причина?

Причина была проста. Трой желал, чтобы его алчные дети кутнули напоследок, прежде чем он выбьет почву у них из-под ног и соберет свою последнюю жестокую и злобную жатву.

– Понятия не имею, – ответил Джош. – Завещание написано от руки. Мистер Филан подписал его за несколько секунд до того, как прыгнуть с балкона.

– Рукописное завещание?

– Да.

– Вы при этом присутствовали?

– Да. Это долгая история.

– Вероятно, мне следует ее выслушать.

– Вероятно.

У Джоша весь день был занят. У Уиклиффа – нет, но он постарался представить дело так, будто каждая минута у него распланирована. Они договорились встретиться в офисе Уиклиффа в обеденное время и, быстро перекусив, заняться делами.

Серхио не одобрил идею путешествия Нейта в Южную Америку. После почти четырех месяцев пребывания в закрытой клинике, где двери и ворота запирались на замок и невидимая вооруженная охрана просматривала дорогу на милю вперед, где доступ к телевидению, фильмам, играм, журналам и телефону был строго ограничен, даже возвращение в привычный мир могло быть сопряжено с психологическими травмами. Что же касается поездки в Бразилию сразу после лечения в клинике, то это могло привести к более чем серьезным последствиям.

Нейту это было безразлично. Его препроводили в Уолнат-Хилл не по решению суда. Его поместил сюда Джош, и если Джош просит его сыграть в прятки в джунглях Южной Америки, значит, так тому и быть. Серхио может ругаться и стонать сколько ему заблагорассудится.

«Предвыпускная» неделя являла собой постепенный выход из ада. Безжировую диету сменила диета с низким содержанием жиров, понемногу добавлялись такие неизбежные «на воле» ингредиенты, как соль, перец, сыр и масло, – нужно же было подготовить организм к злу, царящему за пределами Уолнат-Хилла. Желудок Нейта протестовал, и он потерял за неделю еще три фунта.

– То, что ждет тебя там, внизу, будет еще хуже, – бесцеремонно заметил Серхио.

Обычно они боролись во время лечебных сеансов, это было частью курса терапии: кожа должна стать упругой, а все углы округлыми. Теперь Серхио начал отдаляться от своего пациента. Всегда трудно прощаться, поэтому Серхио постепенно сокращал время сеансов и становился все более безразличен к пациенту.

По мере приближения финала Нейт начал считать часы.

Судья Уиклифф поинтересовался содержанием завещания, но Джош вежливо отказался отвечать на этот вопрос. Они поглощали бутерброды из магазинчика деликатесов, сидя за маленьким столиком в небольшом кабинете его чести. Закон не требовал, чтобы Джош открывал судье суть завещания, по крайней мере сейчас. И Уиклифф не мог на этом настаивать, но его любопытство было объяснимо.

– Я немного сочувствую подателям заявлений, – сказал он. – Они имеют право узнать, что там в завещании. Зачем откладывать?

– Я лишь исполняю волю своего клиента, – ответил Джош.

– Но рано или поздно вам придется огласить завещание.

– Разумеется.

Уиклифф положил свой ежедневник на стол рядом с пластиковой тарелкой и посмотрел на Джоша поверх очков.

– Сегодня двадцатое декабря. До Рождества собрать всех нет никакой возможности. Как насчет двадцать седьмого?

– Что вы имеете в виду?

– Оглашение завещания.

Эта идея ошарашила Джоша, он чуть не подавился маринованным огурчиком. Подумать только – собрать вместе всех: Филанов с их чадами и домочадцами, новыми друзьями и прихлебателями, со всеми их развеселыми адвокатами, запихнуть в зал суда и загодя позаботиться о том, чтобы о встрече узнала пресса! Продолжая жевать огурчик и заглядывая в свою маленькую черную записную книжечку, Джош едва сдерживал улыбку. Казалось, он уже слышит вздохи этих людей, стенания, видит их, шокированных, неспособных до конца поверить в то, что они услышали, и наконец разражающихся сдвинутыми проклятиями. Потом, вероятно, раздастся всхлип-другой, когда Филаны осознают, что учинил их обожаемый папочка.

Это будет уникальный момент в истории американского правосудия, и Джош не смог сдержаться.

– Мне двадцать седьмое вполне подходит, – сказал он.

– Отлично. Я уведомлю стороны, как только пойму, сколько их. У них куча адвокатов.

– Неудивительно, если вспомнить, что у завещателя шестеро детей и три бывшие жены: это девять адвокатских команд.

– Надеюсь, зал суда сможет вместить всех.

«Только стоя», – чуть было не вырвалось у Джоша. Он представил себе стоящих вплотную друг к другу людей, замерших в гробовом молчании, пока открывается конверт, разворачивается листок и читаются невероятные слова.

– Предлагаю вам огласить завещание, – сказал Джош.

Уиклифф, разумеется, на это и рассчитывал. Он уже представлял упоительную сцену – это будет один из прекраснейших моментов в его жизни: оглашение завещания, касающегося распределения одиннадцати миллиардов долларов.

– Полагаю, завещание несколько спорное? – спросил судья.

– Оно опасное.

Его честь наконец улыбнулся.

Глава 10

Накануне своего самого сокрушительного срыва Нейт жил в Джорджтауне, в старом кондоминиуме, квартиру в котором купил после последнего развода. Но из-за банкротства он ее лишился, поэтому ему в буквальном смысле слова негде было провести первую ночь свободы.

Джош, как всегда, тщательно подготовил выписку О'Рейли из клиники. Он прибыл в Уолнат-Хилл в назначенный день с легкой дорожной сумкой, набитой новыми, идеально отглаженными шортами и рубашками, предназначенными для путешествия на юг. Привез также паспорт с визой, кучу наличных, массу буклетов и билетов и полный «план игры». Прихватил даже аптечку первой помощи.

Нейт и поволноваться не успел. Он попрощался лишь кое с кем из персонала, остальные были заняты, да и вообще здесь старались избегать прощальных церемоний. После сорока суток восхитительной трезвости Нейт гордо проследовал на волю через парадную дверь – чистый, загорелый, стройный, скинувший семнадцать фунтов – теперь его вес составлял сто семьдесят четыре фунта, как лет двадцать назад.

Первые пять минут Джош вел машину молча. Снег покрывал равнины, но по мере удаления от Блу-Риджа покров становился все тоньше. Было двадцать второе декабря. Радио тихо наигрывало рождественские гимны.

– Ты не мог бы его выключить? – попросил наконец Нейт.

– Что?

– Радио.

Джош нажал клавишу, и музыка, которой сам он даже не слышал, прекратилась.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил он.

– Поверни, будь добр, к ближайшему придорожному магазину.

– Это еще зачем?

– Хочу купить упаковку пива.

– Очень смешно.

– Я готов душу заложить за большую бутылку кока-колы.

Они купили воды и арахиса в маленьком магазинчике. Дама, восседавшая за кассой, бодро пожелала им «веселого Рождества», но Нейт не нашел в себе сил ответить ей то же. Они вернулись в машину, и Джош взял курс на вашингтонский аэропорт имени Даллеса, находившийся в двух часах езды от клиники.

– Ты летишь до Сан-Паулу, где тебе придется три часа ждать местного рейса до города под названием Кампу-Гранди.

– А там говорят по-английски?

– Нет. Там живут бразильцы и разговаривают по-португальски.

– Это всем известно.

– Но в аэропорту ты найдешь кого-нибудь, кто говорит по-английски.

– Насколько велик этот Кампу-Гранди?

– Полмиллиона жителей, но это не твой пункт назначения. Оттуда ты на самолете местной авиалинии отправишься в местечко, называемое Корумба – с ударением на последнем слоге. Города по пути твоего следования будут становиться все меньше.

– Как и самолеты.

– Да, у них все как у нас.

– Ты знаешь, меня почему-то полеты на местных бразильских авиалиниях не вдохновляют. Джош, помоги мне. Я нервничаю.

– Ну, если ты предпочитаешь вместо самолета тащиться шесть часов на автобусе...

– Продолжай.

– В Корумбе ты встретишься с адвокатом по имени Валдир Руис. Он говорит по-английски.

– Ты с ним беседовал?

– Да.

– И что-нибудь понял?

– В общем – да. Он очень милый человек. Работает за пятьдесят долларов в час, если ты можешь в это поверить.

– А как велик этот городок Корумба?

– Девяносто тысяч.

– Значит, там будет вода, пища и ночлег.

– Да, Нейт, у тебя там будет комната. Это больше, чем ты имеешь здесь.

– Спасибо за напоминание.

– Прости. Хочешь все переиграть?

– Хочу, но не стану. На сегодня моя задача состоит в том, чтобы убраться из этой страны, прежде чем я снова услышу очередную рождественскую песенку. Я бы согласился следующие две недели жить в норе, лишь бы не видеть глазированных снеговиков.

– Забудь о норе. Там есть вполне приличный отель.

– И что мне нужно делать с этим Валдиром?

– Он ищет проводника, который повезет тебя в Пантанал.

– На чем? На самолете? На вертолете?

– Вероятно, на пароходе. Насколько я представляю себе местность, там нет ничего, кроме рек и болот.

– А также змей, аллигаторов и пираний.

– Ты просто трусишка. Я-то думал, тебе хочется туда поехать.

– Мне просто не терпится оказаться там, так что поезжай быстрее.

– Расслабься. – Джош показал на кейс, лежавший на заднем сиденье. – Открой, – предложил он. – Это твоя ручная кладь.

Нейт потянулся назад и взял кейс.

– Весит не меньше тонны, – улыбнулся он. – Что в нем?

– Всякие полезные вещи.

Кейс из коричневой кожи был новым, но по последней моде искусственно «состаренным» на вид и достаточно большим, чтобы вместить маленькую юридическую библиотеку. Нейт положил его на колени и расстегнул замки.

– Игрушки, – удивился он.

– Вот тот крохотный серенький аппаратик – это новейший цифровой телефон, – объяснил Джош с явной гордостью. – В Корумбе Валдир подключит тебя к местным линиям.

– Значит, в Бразилии и телефоны есть?

– И немало. Телекоммуникационная сеть расширяется там не по дням, а по часам. Почти у каждого – сотовый телефон.

– Несчастные люди. А это что?

– Компьютер.

– На кой черт?

– Это последняя модель. Посмотри, какой он маленький.

– Я даже буквы на клавиатуре разглядеть не могу.

– Ты можешь подсоединить его к телефону и получить сообщение по электронной почте.

– Ого! И предполагается, что я буду всем этим пользоваться в болоте под пристальными взглядами аллигаторов и змей?

– Это уж как захочешь.

– Джош, я даже в собственном офисе не пользовался электронной почтой.

– Это не для тебя, а для меня. Я хочу иметь надежную связь с тобой. Когда ты найдешь женщину, которую мы ищем, я должен узнать об этом немедленно.

– А это что?

– Это самая чудесная игрушка в твоём чемоданчике. Спутниковый телефон. Им можно пользоваться в любой точке Земли. Следи только, чтобы батарейки были заряжены – и всегда сможешь меня найти.

– Но ты сказал, у них превосходная телефонная связь.

– Не в Пантанале. Это сотни тысяч квадратных миль болот, там нет городов и очень мало людей. Как только ты покинешь Корумбу, спутниковый телефон станет твоим единственным средством связи.

Нейт открыл твердый пластиковый футляр и осмотрел маленький блестящий аппаратик.

– Сколько ты на него потратил? – спросил он.

– Я – ничего.

– Хорошо, какой ущерб он нанес состоянию Филана?

– Сорок четыре сотни долларов. Но он того стоит.

– У моих индейцев есть электричество? – спросил Нейт, просматривая руководство по эксплуатации.

– Разумеется, нет.

– Тогда каким образом я смогу заряжать батарейки?

– Там лежит запасной комплект. А потом что-нибудь придумаешь.

– Что ж, похоже, всего этого достаточно, чтобы более или менее спокойно смыться отсюда в случае необходимости.

– Абсолютно спокойно. Ты еще скажешь мне спасибо, когда попадешь туда.

– Могу я уже сейчас поблагодарить тебя?

– Нет.

– Тем не менее спасибо, Джош. За все.

– Не за что.

Они пили кофе и просматривали газеты, сидя за маленьким столиком, стоявшим напротив шумной стойки в заполненном пассажирами терминале. При этом Джош постоянно держал стойку в поле зрения, чего нельзя было сказать о Нейте: если смотреть на стойку, никак не избежать светящейся неоновой рекламы «Хайнекена».

Мимо просеменил тощий, изможденный Санта-Клаус, выискивающий в толпе детей, чтобы одарить дешевыми подарками из своего мешка. Из музыкального автомата, стоявшего рядом со стойкой, лилось «Голубое Рождество» в исполнении Элвиса. Топот множества ног нервировал – все летели домой на рождественские каникулы.

– Ты в порядке? – спросил Джош.

– В полном. Почему ты не уходишь? Уверен, у тебя масса гораздо более важных и приятных дел.

– Я дождусь вылета.

– Послушай, Джош, я в полном порядке. Если ты думаешь, что я жду не дождусь твоего ухода, чтобы рвануть к стойке и опрокинуть стопку водки, то ошибаешься. Меня совершенно не тянет выпить. Я чист, как младенец, и очень этим горжусь.

Джош немного смутился, потому что Нейт прочел его мысли. О запоях О’Рейли ходили легенды. Если бы он сорвался, всех имеющихся в аэропорту запасов спиртного не хватило бы, чтобы удовлетворить его запросы.

– Об этом я не беспокоюсь, – соврал Джош.

– Тогда иди. Я уже большой мальчик.

Они попрощались на выходе из терминала – теплые объятия и обещания звонить чуть ли не каждый час. Нейту не терпелось занять уютное местечко в первом классе, а Джоша в офисе ждали тысячи дел.

Две небольшие меры предосторожности Джош все же втайне предпринял. Во-первых, соседние с Нейтом места в самолете были выкуплены фирмой. Место Нейта у иллюминатора, остальные – до прохода – останутся свободными. Джош не хотел, чтобы рядом с О’Рейли оказался какой-нибудь томящийся от жажды бизнесмен, непрерывно потягивающий виски. Он выложил более чем семь тысяч долларов за каждое место, но о деньгах беспокоиться не приходилось.

Во-вторых, Джош провел долгую беседу с ответственным по обслуживанию пассажиров, объяснив тому, что Нейт проходит период реабилитации, так что никакого алкоголя в самолете подавать не будут ни при каких условиях. На тот случай, если придется убеждать Нейта, на борту имелось письмо Джоша.

Стюардесса принесла апельсиновый сок и кофе, Нейт укрылся тонким пледом и стал смотреть, глядя в иллюминатор, как внизу исчезает расплывшийся вширь округ Колумбия по мере того, как самолет компании «Вариг», поднимаясь все выше, врывается в облака.

Нейт чувствовал облегчение, оттого что вырвался – из рук Серхио, из Уолнат-Хилла, из города с его скукой и однообразием, на время избавился от хлопот, связанных с последней женой, банкротством, и может пока забыть о неприятностях с Налоговым управлением. На высоте тридцать тысяч футов он даже решил было вообще не возвращаться.

Каждый раз, выписываясь из клиники, он переживал стресс. Страх снова соскользнуть в бездну не отпускал ни на минуту. А теперь его пугало еще и то, что, пройдя через столько возвращений из ада, он чувствовал себя ветераном: мог сравнивать свои ощущения, как жен или судебные процессы. Неужели впереди всегда будет маячить перспектива возврата?

Во время ужина Нейт понял, что Джош поработал за его спиной. Спиртного в самолете не подавали. Он лишь поковырял еду как человек, который последние четыре месяца наслаждался самым великолепным в мире салатом-латуком; еще несколько дней назад он не ел никаких жиров, никакого масла, никакого сахара. И теперь меньше всего хотел заработать расстройство желудка.

Нейт быстро задремал, но был слишком утомлен, чтобы заснуть глубоко. Как вечно заваленный работой адвокат и любитель ночных возлияний, он привык обходиться коротким отдыхом. Первый месяц в Уолнат-Хилле его накачивали снотворными, и он спал по десять часов в сутки, а поскольку находился в коме, сопротивляться не мог.

Разложив свои игрушки на пустующих соседних креслах, Нейт начал изучать инструкции по их использованию. Спутниковый телефон его заинтересовал, хотя не верилось, что существуют в мире обстоятельства, которые могут заставить его воспользоваться этой вещью.

Взгляд Нейта упал на еще один телефонный аппарат. Это была последняя техническая новинка на воздушном транспорте: маленькое изящное приспособление, скрытое в обшивке самолета возле сиденья. Нейт взял трубку и позвонил Серхио домой. Тот ужинал, но был очень рад услышать голос Нейта.

– Ты где? – спросил он.

– В баре, – ответил Нейт тихо, так как свет в салоне был притушен, чтобы дать пассажирам возможность поспать.

– Очень смешно.

– Вероятно, я сейчас над Майами, и мне лететь еще часов восемь. Просто нашел здесь телефон и захотел его опробовать.

– У тебя все в порядке?

– Абсолютно. Ты по мне скучаешь?

– Пока нет. А ты?

– Шутишь? Я теперь свободный человек, лечу в джунгли и предвкушаю потрясающие приключения. Буду скучать по тебе позднее, ладно?

– Ладно. Но ты позвонишь, если что-нибудь случится?

– Ничего не случится, Серхио. На сей раз – ничего.

– Молодец, Нейт.

– Спасибо, Серхио.

– Не за что. Звони.

Начали показывать фильм, но никто его не смотрел. Стюардесса принесла еще кофе. Секретаршей у Нейта служила многострадальная женщина по имени Элис, которая подчищала за ним все огрехи последние десять лет. Она жила с сестрой в старом доме в Арлингтоне. Следующим он набрал ее номер. За последние четыре месяца они разговаривали только один раз.

Разговор длился почти полчаса. Элис тоже была счастлива услышать его голос и узнать, что его выписали. Она ничего не знала о его путешествии в Южную Америку, и это было немного странно, поскольку обычно она знала все. Однако сейчас Элис проявляла сдержанность, почти осторожность. Нейт как опытный адвокат почуял недоброе и ринулся в атаку, как бывало при перекрестных допросах.

Элис работала все там же, сидела за тем же столом, делала то, что прежде, но уже для другого адвоката.

– Кто он? – спросил Нейт.

– Новенький. Судебный адвокат. – Элис тщательно подбирала слова, и Нейт понял, что она была проинструктирована самим Джошем. Ну разумеется, следовало позвонить ей сразу же после того, как его выпустили.

В каком кабинете сидит новичок? Кого ему дали в помощники? Откуда он взялся? Какой у него опыт работы по делам о преследовании недобросовестных врачей? Ее приставили к нему временно?

Элис отвечала неопределенно.

– Кто сидит в моем кабинете? – спросил Нейт.

– Никто. Там никто ни к чему не притрагивался. По-прежнему по всем углам валяются папки с делами.

– А что делает Керри?

– Завален работой. Ждет тебя.

Керри был любимым помощником Нейта.

У Элис на все был готов ответ, и Нейту мало что удалось узнать. Особенно расплывчато отвечала она на вопросы о новом адвокате.

– Готовься, – сказал он, когда разговор начал затухать. – Пора мне возвращаться.

– Нейт, без тебя так скучно.

Он медленно повесил трубку, размышляя над ее словами. Что-то было не так. Джош втихую преобразовывает фирму. Найдется ли в ней после перетасовки место для Нейта? Вероятно, найдется, но в суде ему все равно уже не выступать.

Впрочем, Нейт решил, что беспокоиться об этом будет потом. Нужно еще сделать столько звонков. Он знал одного судью, которого десять лет назад выгнали за пьянство, и хотел подробно рассказать ему о замечательном лечении в клинике. Его первая жена заслуживала, чтобы Нейт позвонил и отругал ее, но сейчас у него было не то настроение. А еще ему хотелось позвонить всем своим детям и спросить, почему они ему не писали и не пытались с ним связаться.

Но вместо этого Нейт достал из чемоданчика папку и начал изучать то, что было собрано в ней о мистере Трое Филане и его деле. Только в полночь, где-то над Карибским морем, он наконец уснул.

Глава 11

За час до рассвета самолет стал снижаться. Нейт проспал завтрак, а когда проснулся, стюардесса принесла ему кофе.

Под крылом показался Сан-Паулу, огромный мегаполис, распластавшийся почти на восьмистах квадратных милях. Нейт смотрел на море огней и удивлялся, как в одном городе могут жить двадцать миллионов человек.

Включили динамики. Пилот поздоровался по-португальски и долго говорил что-то, чего Нейт совершенно не понял. Последовавший за этим якобы английский перевод не многим помог. Нейт представил, как будет передвигаться по этой стране. Языковой барьер вызвал у него легкий приступ паники, который, впрочем, тут же прошел, когда хорошенькая бразильская стюардесса на сносном английском попросила его пристегнуть ремень.

Аэропорт кишел людьми, было жарко. Нейт снял с транспортера новую дорожную сумку, на которую таможенник бросил лишь безразличный взгляд, и, зарегистрировав билет на рейс компании «Вариг» до Кампу-Гранди, снова сдал ее в багаж. Потом нашел кафетерий. При входе висело меню. Ткнув пальцем, Нейт попросил «эспрессо», и кассирша выбила чек. Она недовольно взглянула на его доллары, но сдачу дала: один бразильский реал равнялся одному американскому доллару. Теперь у Нейта было несколько реалов.

Стоя рядом с шумной группой японских туристов, он пил кофе. Вокруг говорили на незнакомых языках: японском, немецком, испанском на фоне звучащего из репродуктора португальского. Нейт пожалел, что не купил разговорник – тогда бы он хоть несколько слов мог понять.

В душу потихоньку стала закрадываться тоска. В людской толпе он чувствовал себя совершенно изолированным и одиноким, он не знал здесь ни единой живой души. И там, дома, почти никто не представлял, где он находится в настоящий момент, да мало кого это вообще интересовало. Его окутывали клубы табачного дыма – толпящиеся вокруг туристы курили, – и он быстро перешел на галерею главного зала, откуда просматривался потолок, находившийся двумя этажами выше, и пол первого этажа. Нейт бесцельно слонялся среди пассажиров со своим кейсом и проклинал Джоша за то, что тот набил его столькими полезными, но тяжелыми вещами.

Вдруг он услышал, что кто-то громко говорит по-английски, и пошел в ту сторону. Неподалеку от объединенной стойки регистрации сидели в ожидании рейса какие-то бизнесмены, Нейт нашел свободное место и устроился рядом. В Детройте шел снег, и они боялись опоздать домой к Рождеству. Они приехали в Бразилию по делам, связанным со строительством трубопровода. Очень скоро Нейт устал от их болтовни. Если он и испытывал тоску по дому, то они быстро избавили его от нее.

Теперь он скучал, пожалуй, лишь по Серхио. По окончании курса лечения Нейта на неделю перевели в отдельный домик, чтобы облегчить переход к прежней жизни. Он ненавидел это место и принятый там распорядок дня, но теперь, задним числом, видел и его преимущества. Прошедшему курсу лечения действительно нужно было несколько дней, чтобы сменить ориентиры. Вероятно, Серхио был прав. Нейт позвонил ему из автомата и разбудил. В Сан-Паулу была половина седьмого, в Виргинии – только половина пятого.

Серхио не рассердился – этому его научила профессия.

На рейсе до Кампу-Гранди первого класса не было, не было и свободных мест. Нейта приятно удивило, что все пассажиры уткнулись в утренние газеты, каковых тут было множество. Ежедневные газеты выходили на такой же мелованной бумаге и имели такой же современный вид, как любая газета в Штатах. Люди поглощали новости с огромным интересом.

Похоже, Бразилия вовсе не такая отсталая, как представлял Нейт. Все эти люди обучены грамоте! Самолет, выполнявший рейс 727, был чистеньким, салон, видимо, только что освежили. В карте вин не значилось ничего, кроме спрайта и кока-колы. Нейт почувствовал себя как дома.

Сидя в двадцатом ряду, он совершенно забыл об индейцах, книга о которых лежала у него на коленях, и стал любоваться видом из иллюминатора. Внизу расстилалась плодородная зеленая долина с живописными холмами, точками животноводческих ферм и пересекающимися лентами грунтовых дорог. Почва была ярко-оранжевого цвета, а дороги беспорядочно перебегали от одного маленького поселка к другому. Современных автострад здесь, похоже, не существовало.

Но вот в поле зрения появилась асфальтированная дорога, по которой сновало множество машин. Самолет стал снижаться, и пилот оповестил, что они прибыли в Кампу-Гранди. Сверху были видны высотные здания, запруженный народом городской центр, всенепременнейший футбольный стадион, множество улиц с напряженным дорожным движением. Жилые дома были покрыты красными черепичными крышами. Спасибо хорошей организации работы фирмы – у Нейта была справка, несомненно, составленная кем-то из начинающих помощников Джоша, работающих за триста долларов в час, в которой содержались абсолютно все сведения о Кампу-Гранди, будто от этого зависел успех порученного ему предприятия. Шестьсот тысяч населения. Центр торговли скотом. Множество ковбоев. Город быстро растет. Имеются все современные удобства. Для Нейта, впрочем, эта информация была бесполезна: он не собирался здесь останавливаться.

Для города таких размеров аэропорт оказался на удивление маленьким, но Нейт сообразил, что продолжает все сравнивать с Соединенными Штатами. Незачем больше делать это. При первом же шаге из самолета его обдало жаром – было не меньше девяноста градусов по Фаренгейту. До Рождества оставалось два дня, а в Южном полушарии царил дикая жара. Нейт прищурился от яркого солнца и, крепко держась за поручень, стал спускаться по трапу.

В ресторане аэропорта О'Рейли заказал обед, и когда принесли заказ, он с удовольствием отметил, что блюдо выглядит вполне съедобным: сэндвич с жареным цыпленком в булке, каких он никогда прежде не видел, и жареной картошкой, такой же хрустящей, какую подают в любом заведении сети быстрого питания в Штатах. Он ел медленно, наблюдая за взлетно-посадочной полосой вдаль. В середине обеда двухмоторный самолет компании «Эр Панантал» приземлился и подрулил к терминалу. Из него вышли шесть человек.

Нейта внезапно охватил страх, и он прекратил жевать. В том, что тут летают самолеты, нет ничего удивительного, о них постоянно пишут и говорят по Си-эн-эн, вот только едва ли там, дома, кто-нибудь слышал о существовании этой конкретной линии.

Впрочем, самолет выглядел вполне прочным, даже не без претензии на современный дизайн, и хорошо одетая команда, похоже, состояла из профессионалов. Нейт снова задвигал челюстями. «Думай только о хорошем», – приказал он себе.

Около часа пришлось слоняться по маленькому терминалу. В газетном киоске он купил англо-португальский разговорник и начал заучивать слова, читая рекламу и вывески. Любителей приключений приглашали в Пантанал – зону экотуризма (это понятие обозначалось английским словом). Предлагались автомобили напрокат. Вот пункт обмена валюты, вот бар с полками, заставленными бутылками виски и разными сортами пива. При входе стояла стройная искусственная рождественская елка, украшенная лишь одной гирляндой, мерцавшей в такт мелодии какого-то бразильского рождественского гимна. Глядя на елку, Нейт против собственной воли вспомнил о детях.

Большую часть времени, пока самолет летел до Корумбы, он проспал. Маленький аэропорт в Корумбе был забит боливийцами, ожидавшими вылета в Санта-Крус. Было влажно и душно.

Нейт нашел таксиста, который ни слова не знал по-английски, но это было не важно. Нейт ткнул в название отеля «Палас» в своем дорожном расписании, и они отправились туда на старой грязной «мазде».

Согласно еще одной записке, подготовленной для него сотрудниками Джоша, в Корумбе жили девяносто тысяч человек. Расположенный на берегу реки Парагвай, на самой границе с Боливией, городок давно считался столицей Пантанала. Возник он благодаря интенсивному торговому движению по реке, которое не прекращалось и теперь.

Сидя на заднем сиденье «мазды» и обозревая улицы через окно, Нейт пришел к выводу, что это милый ленивый городок. Улицы широкие, заасфальтированные, с множеством деревьев. Под навесами лавок сидели и болтали в ожидании покупателей торговцы. Подростки сновали между автомобилями на самокатах. За стоявшими вдоль тротуаров столиками босоногие детишки лакомились мороженым.

При приближении к деловому центру машины скопились в пробке, пришлось томиться под палящим солнцем. Шофер бормотал что-то себе под нос, но особого нетерпения не выказывал. На его месте водитель из Нью-Йорка или Ди-Си был бы уже готов всех перестрелять.

Но это Бразилия, а она находится в Южной Америке. Часовая стрелка здесь движется медленнее. Никакой спешки. Время не играет столь заметной роли. «Сними-ка часы», – посоветовал себе Нейт. Однако лишь закрыл глаза и полной грудью вдохнул густой влажный воздух.

Отель «Палас» находился в самом центре города, на улице, плавно спускавшейся к волшебно сверкавшей в отдалении реке. Нейт вручил таксисту пригоршню реалов и терпеливо ждал сдачи. Потом поблагодарил его по-португальски, неуверенно произнеся: «Обригадо», и таксист, улыбнувшись, ответил ему нечто, но Нейт этого не понял. Дверь в вестибюль была открыта, как и все прочие двери в Корумбе, выходившие на улицу.

Первое, что Нейт услышал, войдя в отель, был техасский говор. Группа рабочих-нефтяников выписывалась из отеля. Они пили и пребывали в отличном настроении в преддверии праздников, которые собирались провести дома. Нейт сел перед телевизором и подождал, пока они отбудут.

Его номер оказался на восьмом этаже. За восемнадцать долларов в сутки он получил комнату двенадцать на двенадцать футов, с узкой и очень низкой кроватью. Если матрас на ней и лежал, то был чрезвычайно тонок. О панцирной сетке говорить не приходилось. Еще в номере имелись стол, стул, кондиционер, маленький холодильник, набитый бутылками минеральной воды, банками колы и пива, а также чистенькая ванная с мылом и кучей полотенец. Неплохо, сказал себе Нейт. Не «Шератон», конечно, но жить можно. В конце концов, это ведь приключение.

В течение получаса он пытался дозвониться Джошу. Но мешал языковой барьер. Клерк за стойкой администрации понимал по-английски достаточно, чтобы связать его с оператором международной связи, но там все объяснялись только по-португальски. Он попытался воспользоваться сотовым телефоном, однако тот не был пока подключен к местной сети.

Тогда усталый Нейт, распластавшись на хлипкой маленькой кровати, уснул.

Валдир Руис был коротышкой с тонкой талией, светло-коричневой кожей и маленькой головкой, на которой красовалось лишь несколько напояженных и зализанных назад прядей. Глаза у него были черные, обрамленные пучками морщинок – итог непрерывного тридцатилетнего курения. Сейчас ему было пятьдесят два года, в семнадцать он покинул дом и прожил год в Айове, где учился по программе студенческого обмена клуба «Ротари». Жил в семье. Он очень гордился своим английским, хотя в Корумбе редко находил ему применение. Чтобы не забыть язык, Руис почти каждый вечер смотрел Си-эн-эн и другие каналы американского телевидения.

После Айовы он продолжил обучение в колледже Кампу-Гранди, а потом – в юридической академии в Рио, после чего неохотно вернулся в Корумбу, чтобы работать в юридической фирме дяди и заботиться о престарелых родителях. Валдир вяло поднимался по лестнице своей адвокатской карьеры в Корумбе, мечтая о том, кем бы мог стать, живи он в большом городе.

Но человек он был милый и, как большинство бразильцев, жизнерадостный. Он успешно работал в маленьком офисе, где, кроме него, трудился лишь секретарь, отвечавший на телефонные звонки и печатавший на машинке. Валдир любил дела, касающиеся всех аспектов недвижимости – прав собственности, наследования и прочего. Он никогда не выступал в суде, прежде всего потому, что суды были редкостью в бразильской юридической практике, затрагивающей вопросы недвижимости. Американский стиль бесконечных судебных разбирательств не привился на юге. Валдира удивляло то, что делали и говорили адвокаты в передачах Си-эн-эн. Он часто задавался вопросом: зачем все эти адвокаты стараются привлечь такое внимание к своей деятельности?

Контора Валдира находилась в трех кварталах от отеля «Палас» на обширном тенистом участке земли, который его дядя приобрел десятилетия назад. Над крышей дома нависали огромные густые кроны деревьев, так что в любую жару Валдир держал окна открытыми. Ему нравилось слышать доносившийся с улицы отдаленный шум. В четверть четвертого он увидел, как незнакомый мужчина остановился перед его конторой. Мужчина определенно был иностранцем, наверняка американцем. Валдир понял, что это и есть мистер О'Рейли.

Секретарь принес им *кафесино* – крепкий сладкий черный кофе, который бразильцы весь день пьют из крохотных чашечек и к которому Нейт мгновенно пристрастился. Он сидел в кабинете Валдира – они сразу же начали называть друг друга по имени – и любовался обстановкой: скрипучий вентилятор под потолком, открытые окна, аккуратные ряды пыльных папок на полках за спиной Валдира, облупившийся деревянный пол. Нельзя сказать, что в кабинете царила прохлада, но и нестерпимой жары тоже не было. Нейту показалось, что он попал в фильм, снятый лет пятьдесят назад.

Валдир позвонил в Ди-Си, связался с Джошем, перекинулся с ним парой слов и протянул через стол трубку Нейту.

– Привет, Джош, – сказал Нейт и по голосу Джоша понял, что тот испытал облегчение. О'Рейли доложил шефу, как прошло путешествие до Корумбы, особо подчеркнув, что пребывает в отличной физической форме, все еще трезв и с нетерпением ждет дальнейших приключений.

Валдир тактично углубился в какую-то папку в углу кабинета, всем своим видом давая понять, что разговор его ничуть не интересует, но ловил каждое слово. Почему это Нейт О'Рейли так гордится тем, что он трезв?

Когда разговор был окончен, Валдир достал и развернул на столе огромную навигационную карту штата, занимавшего территорию не меньше Техаса, и ткнул пальцем в Пантанал. Никаких дорог, тем более шоссе, сотни тысяч квадратных миль болот – так говорилось в одной из многочисленных справок, которыми снабдил Нейта Джош.

Пока они изучали карту, Валдир закурил. Он проделал некоторую работу заранее. Вдоль левого края карты, на границе с Боливией, стояло четыре красных крестика.

– Здесь живут дикие племена, – сказал он, указывая на крестики. – Гуато и ипики.

– Сколько человек они насчитывают? – спросил Нейт, склоняясь над картой и впервые осматривая ареал, который ему предстояло прочесать в поисках Рейчел Лейн.

– Точно никто не знает, – ответил Валдир, медленно и четко выговаривая слова. Он очень старался произвести впечатление на американца своим английским. – Сто лет назад их было гораздо больше. Но с каждым поколением племена сокращают свою численность.

– Они как-то связаны с внешним миром? – поинтересовался Нейт.

– Очень мало. Их культура вот уже тысячу лет не претерпевала изменений. Они торгуют немного с теми, кто плавает по реке, и у них нет никакого желания менять свою жизнь.

– Известно ли, где среди них работают миссионеры?

– Трудно сказать. Я разговаривал с министром здравоохранения штата. Я знаком с ним лично. В министерстве знают лишь, что миссионеры там есть. Беседовал я также и с представителем нашего Бюро по делам индейцев. – Валдир указал на два из четырех крестиков. – Здесь живут гуато. Вероятно, миссионеры работают где-то среди них.

– Вы знаете их имена? – как бы между прочим спросил Нейт: согласно справке Джоша, Валдиру имя Рейчел Лейн не называли, сказали лишь, что женщина, которую они ищут, работает на ВОМП.

Валдир улыбнулся и покачал головой:

– Это было бы слишком просто. Да будет вам известно, в Бразилии работает по меньшей мере двадцать американских и канадских миссионерских организаций. Получить доступ в нашу страну нетрудно и передвигаться в ней можно совершенно свободно. Никому дела нет до того, кто куда ездит и чем занимается. Раз они миссионеры, мы считаем их хорошими людьми.

Нейт ткнул пальцем в Корумбу, затем – в ближайший к нему крестик:

– Сколько времени понадобится, чтобы добраться отсюда – сюда?

– Это зависит от того, на чем добираться. На самолете – около часа. По реке – от двух до пяти дней.

– Тогда почему не летать туда на самолете?

– Это не так просто, – ответил Валдир, доставая другую карту. Развернув, он расстелил ее поверх первой. – Вот топографическая карта Пантанала. Это фазенды.

– Что?

– Фазенды. Большие фермы.

– А я думал, там сплошные болота.

– Нет. Многие районы осушены достаточно, чтобы заниматься там животноводством. Фазенды были основаны лет двести назад и до сих пор используются пантанальцами. Подобраться по реке можно далеко не ко всем, так что здесь широко используют маленькие самолеты. Их маршруты прочерчены синими линиями.

Нейт отметил, что вблизи индейских поселений таких линий очень мало.

– Но даже если перелететь в нужный район на самолете, до индейцев оттуда придется добираться на лодке, – продолжил Валдир.

– А какие там посадочные полосы?

– Все – травяные. Иногда траву стригут, иногда – нет. Но самая большая проблема – коровы.

– Коровы?

– Да, коровы любят траву. Иногда невозможно приземлиться, потому что коровы пасутся на посадочной полосе, – пояснил Валдир без тени юмора.

– А разве их нельзя прогнать?

– Можно, если хозяева оповещены о вашем прибытии. Но там нет телефонов.

– На фазендах нет телефонов?

– Ни одного. Они совершенно изолированы.

– Значит, на самолете я в Пантанал не попаду. Тогда найдем на месте судно, чтобы искать индейцев?

– Нет. Суда, равно как и проводники, есть только в Корумбе.

Нейт внимательно разглядывал карту, особенно реку Парагвай, которая петляла и извивалась, устремляясь на север, туда, где находились индейские поселения. Где-то у этой реки, можно надеяться, не слишком далеко от нее, посреди обширных болот живет скромная слуга

Божия, живет в душевном мире и покое, не рассуждая о будущем, а лишь кротко проповедуя среди своей паствы, думал Нейт. И ее ему следует отыскать.

– Я бы хотел по крайней мере полетать над этими районами, – сказал он.

Валдир снова развернул первую карту.

– Я могу найти самолет и пилота.

– А как насчет судна?

– Над этим я работаю. Сейчас сезон разлива рек, большинство судов уже зафрахтовано. Вода поднялась, в это время года движение по рекам особенно оживленное.

Как мило со стороны Троя покончить с собой в сезон разлива рек. По сведениям фирмы, дожди здесь начинаются в ноябре и продолжаются до февраля, в это время низинные районы и большинство фазенд оказываются затопленными.

– Должен вас, однако, предупредить, – сказал Валдир, закуривая очередную сигарету, – что полеты над этой местностью небезопасны. Самолеты маленькие, и если что-то случается с мотором, ну... – Он запнулся, выкатил глаза и пожал плечами, давая понять, что тогда никакой надежды нет.

– Что – ну?

– Там нет места для аварийной посадки. Один самолет полетел туда месяц назад. Его нашли на берегу реки облепленным аллигаторами.

– А что случилось с пассажирами? – спросил Нейт, страхась услышать ответ.

– Задайте этот вопрос аллигаторам.

– Давайте сменим тему.

– Еще кофе?

– Да, пожалуйста.

Валдир велел секретарю принести еще кофе, а они тем временем, подойдя к окну, стали смотреть на улицу.

– Кажется, я нашел проводника, – сказал Валдир.

– Отлично. Он говорит по-английски?

– Да, и очень хорошо. Это молодой человек, только что демобилизовался из армии. Чудесный мальчик. А его отец был шкипером здесь, на реке.

– Вот это хорошо.

Валдир подошел к столу и снял телефонную трубку. Секретарь принес Нейту еще чашечку кафесино, который он потягивал, стоя у окна. На противоположной стороне был маленький бар: три столика на тротуаре под навесом. На красном щите красовалась реклама пива «Антарктика». За одним из столов сидели два человека в брюках и рубашках с короткими рукавами, перед каждым стоял высокий бокал с этим пивом. Картинка идеальная: жара, хорошее настроение и холодное пиво, которым наслаждаются в тени двое друзей.

У Нейта вдруг закружилась голова. Реклама пива затуманилась, картинка перед глазами то исчезала, то возникала вновь, сердце бешено колотилось, и стало трудно дышать. Он оперся о подоконник, чтобы не упасть. Руки дрожали, поэтому чашечку пришлось поставить на стол. Валдир находился у него за спиной и, ничего не замечая, бойко тараторил в трубку по-португальски.

На лбу у Нейта выступили капельки пота. Казалось, он ощущает на языке вкус пива. Так всегда начиналось очередное падение. Пробоина в броне. Трещина в плотине. Разлом в каменной стене решимости, которую они с Серхио старательно возводили четыре месяца. Нейт сделал глубокий вдох и взял себя в руки. Минутная слабость должна исчезнуть. Нейт знал, что она исчезнет. Он проходил это уже много раз.

Пока Валдир, повесив трубку, докладывал ему о том, что пилот не хочет никуда лететь в сочельник, Нейт схватил чашку и залпом осушил ее, потом вернулся на свое место под скрипучим вентилятором.

– Предложите ему больше денег, – сказал он.

Мистер Джош Стэффорд проинформировал Валдира, что денег на миссию О’Рейли экономить не следует.

– Он перезвонит через час, – ответил Валдир.

Нейт собрался уходить, но прежде чем покинуть офис Руиса, достал свой великолепный сотовый телефон. Валдир научил его вызывать оператора связи, говорящего по-английски. Для пробы Нейт набрал номер Серхио и услышал автоответчик. Потом он позвонил своей секретарше Элис и пожелал ей веселого Рождества.

Телефон работал отлично, и Нейт гордился собой. Поблагодарив Валдира, он вышел из кабинета. До конца дня у них еще будет возможность поговорить.

Нейт направился к реке, находившейся всего в двух кварталах от офиса Валдира, и увидел там небольшой парк. Рабочие расставляли кресла для предстоящего концерта. В середине дня влажность стояла чудовищная, рубашка Нейта пропиталась потом и прилипла к груди. Ощущение, охватившее О’Рейли в кабинете Валдира, напугало его больше, чем он хотел в этом себе признаться. Усевшись у края стола, предназначенного для пикников, Нейт стал смотреть на расстилающийся впереди великий Пантанал. Откуда ни возьмись появились подростки, предлагавшие марихуану. Она была расфасована по маленьким пакетикам, пакетики лежали в деревянной коробочке. Нейт отмахнулся – может быть, когда-нибудь потом, в другой жизни.

Музыканты начали настраивать гитары. По мере того как солнце садилось за горы на боливийском берегу, парк наполнялся людьми.

Глава 12

Деньги сработали. Пилот все же согласился лететь, но настаивал, чтобы они отправились рано утром и вернулись в Корумбу уже к полудню: у него маленькие дети, сердитая жена и, в конце концов, сегодня сочельник. Валдир пообещал, что так и будет, успокоил его и вручил приличный задаток наличными.

Задаток получил также и Жеви, проводник, которого Валдир нанял на неделю. Двадцатичетырехлетний Жеви был не женат и поднимал тяжести своими толстыми ручищами. В вестибюль отеля «Палас» он ворвался в широкополой шляпе, хлопчатобумажных шортах, черных армейских ботинках, майке без рукавов и с торчащим из-за пояса сверкающим охотничьим ножом – видимо, на случай, если придется с кого-нибудь сдирать кожу. Стиснув руку Нейта, он потряс ее и сказал с широченной улыбкой:

– Бум диа!

– Бум диа... – ответил Нейт, стиснув зубы, – у него хрустнули пальцы. Нож тоже не укрылся от его взгляда: лезвие имело не менее восьми дюймов длины.

– Вы говорите по-португальски? – обрадовался Жеви.

– Нет. Только по-английски.

– Никаких проблем, – сказал парень, ослабив наконец свою смертельную хватку. – Я говорю по-английски. – Он произносил слова с сильным акцентом, но пока Нейт все понимал. – Выучился в армии, – с гордостью сообщил Жеви.

Он был из тех, кто мгновенно располагает к себе: взял у Нейта кейс, сказал что-то приятное девушке за стойкой администратора – та вспыхнула и приняла его слова благосклонно.

Его грузовичок представлял собой семисотпятидесятикилограммовый «форд-пикап» 1978 года – самый большой автомобиль, какой Нейту доводилось видеть в Корумбе. Похоже, машина была готова бороздить джунгли на своих широких скатах, с мощными клыками на переднем бампере и фарами, забранными густой решеткой. Кузов без крыльев был выкрашен под цвет листвы тенистого дерева. Кондиционера, разумеется, не было.

Они с ревом помчались по улицам, лишь немного притормаживая на красный свет светофоров, полностью игнорируя знаки «стоп» и распугивая автомобилистов и мотоциклистов, шарахавшихся от «танка» Жеви. То ли нарочно, то ли по недосмотру глушитель работал плохо. Мотор ревел, и Жеви, вцепившемуся в руль и напоминавшему мотогонщика, приходилось кричать. Нейт не мог разобрать ни слова. Он улыбался и кивал, как идиот, думая лишь о том, чтобы не вывалиться: упершись ногами в пол, он одной рукой крепко держался за оконную раму, другой прижимал к себе кейс. Перед каждым перекрестком у него замирало сердце.

Судя по всему, местным водителям был хорошо знаком стиль вождения, при котором правила дорожного движения, если таковые тут вообще существовали, не обязательно было соблюдать. Никаких следов аварий и тяжелых несчастных случаев тем не менее не наблюдалось. Все, в том числе и Жеви, успевали в последний момент либо остановиться, либо крикнуть, либо увернуться.

Аэропорт оказался пустым. Они припарковались у маленького терминала и прошли на бетонированную площадку, где, привязанные цепями, стояли четыре маленьких самолета. Рядом с одним возился пилот. Они с Жеви поприветствовали друг друга по-португальски. Если Нейт понял правильно, пилота звали Милтон. Он держался благожелательно, но всем видом давал понять, что предпочел бы никуда не лететь и вообще не работать накануне Рождества.

Пока бразильцы разговаривали, Нейт осмотрел самолет. Машину давно следовало бы покрасить, и это обстоятельство его немало смутило. Если самолет такой облезлый внешне, может ли он быть намного лучше внутри? Резина шасси совсем истерлась. Под тем местом, где находился мотор, виднелись масляные пятна. Это была старая одномоторная «Сессна-206».

Заправка заняла минут пятнадцать, и приблизительно в десять часов утра самолет, проташившись по взлетной полосе, стартовал. Нейт достал из глубокого кармана шортов цвета хаки чудо-телефон и позвонил Серхио.

Милтона все больше беспокоила темная туча, двигавшаяся с запада на восток. Они летели на север, так что встреча казалась неизбежной. Жеви откинулся назад и прокричал:

– Ему не нравится небо вон там!

Нейту оно тоже не нравилось, но он не был пилотом. Не зная, что ответить, он просто пожал плечами.

– Понаблюдаем за ним несколько минут, – сказал Жеви.

Милтон хотел вернуться домой. Нейт хотел хотя бы сверху взглянуть на индейские поселения. У него все еще была надежда, что удастся каким-то образом долететь до Рейчел и, чем черт не шутит, умыкнуть ее в Корумбу, где они смогут пообедать в каком-нибудь симпатичном кафе и обсудить проблемы наследства ее отца. Но надежда эта была слабой и быстро угасала.

Нельзя сбрасывать со счетов и вертолет. Наследство Троя, несомненно, выдержит подобный расход. Если Жеви удастся найти нужное поселение и клочок земли, куда можно будет посадить машину, Нейт вмиг найдет вертолет.

Однако все это были лишь мечты.

Вот еще одна маленькая фазенда, расположенная вблизи реки. В иллюминаторы застучали капли дождя, и Милтон снизился до двух тысяч футов. Слева тянулась впечатляющая горная цепь, находившаяся гораздо ближе, чем река, змейкой извивавшаяся прямо под ними в густом лесу.

Неожиданно, перевалив через горные вершины, на них обрушился ураган. Небо мгновенно потемнело, ветер стал бросать «сессну» из стороны в сторону. Каждый раз, когда она резко ныряла, голова Нейта ударялась о потолок кабины. Его обуял ужас.

– Поворачиваем! – прокричал Жеви. В его голосе не было спокойствия, которое хотел бы уловить Нейт.

Лицо Милтона оставалось непроницаемым, однако хладнокровный авиатор снял солнцезащитные очки, и на лбу у него выступила испарина. Самолет заложил крутой вираж вправо, к востоку, потом к юго-востоку, но когда они завершили разворот, им открылось жуткое зрелище: небо над Корумбой было совершенно черным. О том, чтобы лететь туда, не могло быть и речи. Милтон быстро повернул на восток и что-то сказал Жеви.

– Мы не можем лететь в Корумбу! – прокричал тот Нейту. – Он хочет поискать фазенду. Мы там приземлимся и подождем, пока ураган утихнет. – Голос его звучал напряженно, и акцент стал намного заметнее.

Нейт кивнул – что еще он мог сделать? Голова, болевшая после первого сокрушительного удара о потолок, продолжала мотаться и биться. Его начало выворачивать наизнанку.

В течение нескольких минут казалось, что «сессне» удастся выйти из урагана. Самолет любого размера способен уцелеть в вихре, успокаивал себя Нейт. Он потер макушку и решил не смотреть назад, на тучи. Но теперь они наплывали со всех сторон.

Дождь молотил по обшивке. Ветер завывал. Тучи, клубясь, неслись мимо. Ураган поглощал их, самолетик швыряло вверх и вниз, из стороны в сторону. На две долгие минуты Милтон вообще потерял управление из-за вибрации. Сейчас он был похож не на летчика, пилотирующего самолет, а на ковбоя, безуспешно пытающегося обуздать дикую лошадь.

Нейт смотрел в окно, но ничего не видел: ни воды, ни болот, ни маленьких симпатичных фазенд с длинными посадочными полосами. Вжавшись в кресло, он стиснул зубы и с огромным трудом сдерживал рвоту.

Воздушная яма – самолет менее чем за две секунды рухнул вниз на сотню футов, и у всех троих мужчин вырвался крик. Нейт очень громко воскликнул: «А, черт!» – двое других выругались по-португальски. Но их голоса утонули в ставших почти осязаемыми волнах страха.

Потом наступил очень короткий миг затишья. Милтон рванул штурвал, и самолет резко пошел носом вниз. Нейт, сидевший у него за спиной, обхватил себя руками и в первый – Бог даст и в последний – раз в жизни почувствовал себя камикадзе. Сердце неистово колотилось, желудок застрял где-то в горле. Закрыв глаза, он подумал о Серхио, о своем гуру, который в Уолнат-Хилле учил его медитировать по системе йогов. Он пытался медитировать, пытался молиться, но в падающем самолете это оказалось невозможным. Несколько секунд отделяли их от смерти.

Раскат грома, раздавшийся прямо над «сессной», парализовал их, словно неожиданный выстрел в темной комнате. Дрожь пронзила их насквозь. У Нейта чуть не лопнули барабанные перепонки.

На высоте пятисот футов над землей Милтону удалось выровнять самолет и прекратить падение.

– Ищите фазенду! – прокричал Жеви, и Нейт с отвращением стал смотреть в иллюминатор. Земля внизу была затянута пеленой дождя. Деревья качались, по маленьким озерцам бежали белые барашки. Жеви шарил по карте, но они окончательно потерялись.

Стена дождя сокращала видимость до нескольких сотен футов. Временами Нейт почти не видел землю. Их крохотный самолетик болтало, словно воздушный змей на ветру. Милтон сражался с управлением, Жеви отчаянно вглядывался в землю. Бразильцы не собирались сдаваться без боя.

А Нейт уже сдался. Если земля даже не видна, как можно рассчитывать на благополучное приземление? Впереди только самое страшное. Все кончено.

Нейт не собирался торговаться с Господом Богом. Такую участь он заслужил всей своей беспутной жизнью. Сотни людей ежегодно гибнут в авиакатастрофах, чем он лучше их?

Внизу, прямо под ними, в разрыве туч сверкнула река, и Нейт вдруг вспомнил об аллигаторах и анакондах. При мысли о том, что «сессна» может упасть в болото, его обуял настоящий ужас. Он представил себя тяжелораненым, но не мертвым, цепляющимся за жизнь, пытающимся заставить проклятый спутниковый телефон работать и одновременно отбивающимся от прожорливых рептилий.

Новый раскат грома сотряс кабину, и Нейт все же решил бороться. Он обшаривал глазами землю в надежде заметить какую-нибудь фазенду. На секунду их ослепила молния. Мотор зачихал и чуть было не заглох, выровнялся и затарахтел снова. Милтон спустился до четырехсот футов – при нормальных условиях вполне допустимая высота. Слава Богу, в Пантанале не нужно опасаться гор.

Нейт потуже затянул привязной ремень, и тут его вывернуло прямо под ноги. Он не испытал при этом никакой неловкости. Ничего, кроме смертельного ужаса, он вообще уже не способен был чувствовать.

Их окутала темнота. Милтон и Жеви, пытаясь удержать самолет в горизонтальном положении, что-то кричали, их кидало из стороны в сторону, они сталкивались и терлись друг о друга плечами. Совершенно бесполезная карта была зажата у Жеви между коленями.

Ураган теперь проносился над ними. Милтон снизился до двухсот футов. Отсюда в разрывах облаков можно было видеть землю. Резкий порыв ветра ударил в борт и чуть не перевернул «сессну». Нейт еще острее осознал, насколько они беспомощны. И тут он заметил внизу что-то белое.

– Корова! Корова! – завопил он, указывая вниз.

Жеви закричал Милтону в ухо то же самое по-португальски.

Тот, ничего не видя из-за дождя, сбросил высоту до восьмидесяти футов и чуть не чиркнул по красной крыше дома. Жеви снова заорал – он увидел какой-то предмет справа от самолета. Посадочная полоса представляла собой грунтовую дорогу, садиться на которую было

опасно даже в хорошую погоду. Но сейчас это не имело значения. Выбора не было. Если самолет рухнет, по крайней мере рядом окажутся люди.

Они заметили дорогу слишком поздно, чтобы приземлиться по ветру, поэтому Милтон, с трудом развернув самолет, решил приземляться против ветра. Поток воздуха, ударив в «сессну» спереди, стал сносить ее в сторону от посадочной полосы. Здесь, у самой земли, пелена дождя была такой плотной, что видимость оказалась почти нулевой. Нейт, согнувшись, старался разглядеть проклятую полосу, но не видел ничего, кроме воды, застилавшей стекла.

На высоте пятидесяти футов «сессну» стало раскачивать, словно качели, Милтон из последних сил старался вернуть ее на курс.

– Вака! Вака! – закричал Жеви. Нейт понял, что «вака» – это корова. Он тоже ее видел. Первая корова пронеслась мимо.

Далее все замелькало, словно кадры безумного фильма: мальчик с хворостиной, бегущий по густой траве, промокший до нитки и испуганный. Корова, шарахающаяся от самолета. Жеви, обхвативший себя руками, с диким взглядом и открытым от ужаса ртом.

Они плюхнулись в траву, но продолжали двигаться по инерции вперед. Это было приземление, а не падение, и на долю секунды в мозгу Нейта вспыхнула надежда, что они не погибнут. Но новый порыв ветра приподнял самолет футов на десять и снова бросил оземь.

– Вака! Вака!

Пропеллер врезался в огромную любопытную неподвижную корову. Самолет резко перевернулся, из иллюминаторов со звоном посыпались стекла, трое мужчин издали ужасный крик.

Нейт очнулся на полу, весь в крови, онемевший от ужаса, но живой. Первое, что пришло в голову: дождь продолжается. Ветер со свистом и завыванием продувал самолет насквозь. Милтон и Жеви тоже двигались, пытаясь выбраться из кресел.

Нейт высунул голову в разбитое окно. «Сессна» лежала на боку со сломанным и завернувшимся под фюзеляж крылом. Повсюду была кровь, но это оказалась кровь коровы, а не пассажиров. Неутихающий дождь быстро смывал ее.

Мальчик с хворостиной отвел их к маленькому стойлу неподалеку от посадочной полосы. Оказавшись наконец под навесом, Милтон упал на колени и забормотал искреннюю благодарственную молитву Пречистой Деве. Нейт, глядя на него, тоже мысленно произносил нечто вроде молитвы.

Никто не получил серьезных ранений. У Милтона на лбу был неглубокий порез. У Жеви была повреждена кисть правой руки.

Потом они долго сидели на грязной мокрой земле, глядя на дождь, прислушиваясь к завыванию ветра и молча думая о том, что с ними могло случиться.

Глава 13

Хозяин коровы явился примерно через час, когда ураган начал стихать и дождь ненадолго прекратился. Мужчина был босой, в вылинявших хлопчатобумажных шортах и застиранной майке с надписью «Чикаго буллз». Звали его Марко, и настроен этот Марко был решительно.

Отослав мальчика, он вступил в жаркий спор с Жеви и Милтоном по поводу стоимости погибшей коровы. Милтона больше заботила потеря самолета, а Жеви – сломанное запястье. Нейт, стоя у окна, размышлял о том, как это он в сочельник оказался посреди безлюдной бразильской топи, в вонючем коровнике, весь перемазанный коровьей кровью, и почему слушает, как спорят на незнакомом языке трое мужчин, и благодарит Бога за то, что остался жив. Ясного ответа на этот вопрос он дать себе не мог.

Судя по виду пасшихся неподалеку животных, цена корове-страдалице была невелика.

– Да расплатимся мы за эту проклятую животину, – сказал он Жеви.

Жеви спросил у хозяина, сколько тот хочет в качестве компенсации, и получил ответ:

– Сто реалов.

– Карточки «Америкэн экспресс» он принимает? – поинтересовался Нейт, но его шутку не оценили. – Я заплачу, – примирительно сказал он. Сто долларов. Да он заплатил бы и вдвое больше, только бы Марко успокоился.

Когда с делами было покончено, хозяин фазенды превратился в гостеприимного хозяина. Повел их в дом, где маленькая босая женщина, готовившая обед, приветствовала их широкой улыбкой. По понятным причинам в Пантанале не привыкли к гостям, а когда выяснилось, что Нейт прибыл из самих Штатов, тут же послали за детьми. У мальчика с хворостиной оказалось два брата, и мать велела им посмотреть на Нейта, потому что он – американец.

Собрав у мужчин рубашки, она замочила их в тазу, наполненном дождевой водой с мыльным порошком. Сидя за маленьким столом полураздетыми и нисколько при этом не смущаясь, они ели рис и черные бобы. Нейт гордился своими накачанными бицепсами и плоским животом. У Жеви был налитой торс солидного тяжелоатлета. Фигура бедняги Милтона свидетельствовала о быстром приближении к среднему возрасту, но его это, похоже, ничуть не волновало.

Разговаривали за обедом мало – слишком свежо было воспоминание о пережитом ужасе. Дети сидели на полу у стола, поглощали пустой рис с хлебом и не спускали глаз с Нейта.

В четверти мили от дома протекала небольшая речушка, и у Марко была моторная лодка. До реки Парагвай на ней надо плыть часов пять. Может, бензина у него даже и хватило бы, но троих лодка все равно не выдержала бы.

Когда небо расчистилось, Нейт вместе с детьми пошел к покалеченному самолету, чтобы забрать из него свой кейс. По дороге он учил их считать до десяти по-английски, они его – по-португальски. Это были славные мальчики, жутко робкие поначалу, но они тут же привязались к Нейту. Сегодня сочельник, напомнил он себе. Интересно, посещает ли Санта-Клаус Пантанал? Не было похоже, чтобы кто-то здесь ждал его.

На гладком срезе пня, росшего во дворе, Нейт аккуратно распаковал и собрал свой спутниковый телефон. Тарелка принимающей антенны имела площадь не более квадратного фута, а само устройство было размером с портативный ноутбук. Их соединял провод. Нейт включил питание, вставил карточку со своим идентификационным номером и номером программной команды, после чего стал медленно вращать антенну, пока она не поймала сигнал спутника, находившегося на высоте сотни миль над Атлантическим океаном где-то в районе экватора. Сигнал оказался мощным, что подтвердил устойчивый зуммер. Марко и все его семейство еще теснее сгруппировались вокруг Нейта. Интересно, видели они когда-нибудь обычный телефон?

Жеви выдал ему номер домашнего телефона Милтона в Корумбе. Нейт медленно нажал кнопки и, затаив дыхание, стал ждать. Если телефон не сработает, они будут вынуждены праздновать Рождество с Марко и его домочадцами. Дом маленький, Нейт подозревал, что спать ему придется в коровнике. Восхитительно.

Его план состоял в том, чтобы отправить Жеви и Марко на лодке. Сейчас почти час дня. До Парагвая пять часов пути, значит, они доберутся туда еще засветло – при условии, что хватит бензина. Там, на большой реке, им нужно будет найти помощь, что может занять несколько часов. Ну а если бензина не хватит, они сядут на мель где-нибудь в болотах. Не то чтобы Жеви с ходу категорически отверг этот план, но энтузиазма предложение Нейта ни у кого не вызвало.

Были и другие осложнения. Марко ни за что не хотел выезжать из дома так поздно. Обычно он отправлялся к Парагваю на рассвете. К тому же он не был уверен, что сможет позаимствовать бензин у соседа, жившего в часе езды от него.

– Алло, – отчетливо прозвучал женский голос, и все заулыбались.

Нейт вручил трубку Милтону, который, поприветствовав жену, начал долгий и печальный рассказ об их катастрофе. Жеви шепотом переводил Нейту. Дети заворуженно слушали английскую речь.

Разговор становился все более напряженным, потом вдруг оборвался.

– Она ищет номер телефона, – объяснил Жеви. Речь шла о знакомом Милтона, пилоте.

Пообещав вернуться домой к ужину, Милтон повесил трубку.

Пилота дома не оказалось. Его жена сообщила, что он уехал по делам в Кампу-Гранди и вернется поздно. Милтон объяснил ей ситуацию, и она дала еще несколько телефонов, по которым можно было попытаться найти ее мужа.

– Скажи ему, чтобы говорил побыстрее, – сказал Нейт, набирая следующий номер. – Батарейки не вечные.

Первый номер не отвечал. А вот по второму пилот сам снял трубку, но, узнав, в чем дело, начал объяснять, что его самолет в ремонте. Тут-то сигнал и прервался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.